

попаданец

POPADANETS

Виктор Тюрин
ХОЧЕШЬ
ВЫЖИТЬ—
СТРЕЛЯЙ ПЕРВЫМ

Виктор Иванович Тюрин
Хочешь выжить
– стреляй первым
Серия «Попаданец (АСТ)»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29685373

*В. И. Тюрин. Хочешь выжить – стреляй первым: ООО «Издательство
АСТ»; Москва; 2018*

ISBN 978-5-17-106937-7

Аннотация

Человек современного мира волею судьбы попадает в Америку 1869 года, в тело известного бандита Джека Льюиса, чью голову власти двух штатов оценили в три тысячи долларов. Если Запад с его шерифами, бандитами и стрелками был одной стороной медали, то города Востока с продажной полицией, уличными бандами и коррупцией властей были другой ее стороной. Бывшему спецназовцу придется приложить немало сил, чтобы выжить на пути, ведущем от бандита до человека, ставшего у истоков создания своей торгово-промышленной империи.

Содержание

Пролог	5
Часть первая. Дикий Запад	17
Глава 1	17
Глава 2	34
Глава 3	58
Глава 4	82
Глава 5	113
Конец ознакомительного фрагмента.	131

Виктор Тюрин

Хочешь выжить

– стреляй первым

© Виктор Тюрин, 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

* * *

Пролог

Я уже выходил из двери, как сильный удар в предплечье, развернув, бросил меня обратно в полумрак подъезда. Сначала плечо горело огнем, потом его сменила острая пульсирующая боль, которая вместе с теплом льющейся крови стала моим основным ощущением на этот момент. С трудом поднявшись на ноги, я сунул руку под пиджак – пальцы сразу стали липкими. Несколько секунд растерянности и недоумения прошли, после чего мозг принялся анализировать происшедшее.

«Снайпер. Но почему в плечо? – мозг сделал первую отметку. – Ранить. Сбить с толку. Задержать... Подставить? Точно. Подставить!»

Прислушался на секунду. Обычный шум двора.

«Надо уходить, пока есть силы. Но как?»

Страх и эмоции я пока четко контролировал, что нельзя было сказать про ловушку, в которой оказался, но только начал просчитывать возможные варианты, как наверху щелкнул замок, потом тяжело хлопнула дверь, а затем раздались шаги. На какое-то мгновение они прервались вскриком, после чего раздались глухие удары в дверь. Стук перемежался с истерическими женскими выкриками: «Убили! Помогите!» Где-то на верхнем этаже хлопнула дверь:

– Что случилось?! Васильевна! Это ты, что ли?! – Но жен-

щина в панике уже опрометью неслась вниз по лестнице. В пустом и просторном подъезде старинного дома четко прослушивалось громкое захлебывающееся дыхание, прорываемое тянущимся на одной ноте речитативом: «Ах ты, мамочка моя! Да что ж это такое! Ах ты!...»

Сейчас она выскочит во двор и... все. Снайпер запер меня в этом подъезде, заставив метаться, как крыса, загнанная в угол. Чердак и подвал отпали раньше, когда я искал пути отхода. Мозг лихорадочно пытался просчитать варианты. Убить? Использовать как заложницу? Как отвлекающий маневр? Успею? Где-то наверху хлопнула еще одна дверь. Рискну! Когда женщина пробежала мимо, я кинул ей вслед негромко:

– Ага, попалась.

Эти два слова ее словно в спину толкнули, заставив рвануться вперед с удвоенной скоростью. Несколько секунд спустя двор огласился истошным воплем:

– Караул!! Люди!! Полиция!! Убивают!!

Расчет был на то, что она отвлечет внимание, тем самым даст шанс мне уйти незамеченным. А снайпер... Что ж... Чувствуя себя рыбой на крючке, бьющейся изо всех сил, но ничего не могущей поделать, мне только и оставалось, что рисковать.

Сразу вслед за женщиной, рывком, выскочив из подъезда, я метнулся под защиту густого кустарника, растущего прямо под окнами первого этажа. Не успела зелень скрыть меня,

как в следующий миг послышался мягкий шлепок о кирпич, прямо рядом с моей головой. Это был звук пули, ударившей в стену. Крысу хотят загнать обратно в угол?! Не выйдет! Скользя за кустами, я слышал, как к истошным крикам женщины прибавились крики переполошенных жильцов соседних домов:

– Полиция!! Васильевна! Да что случилось?! Полиция!! Женщина, да что произошло?!

За полминуты, предоставленные мне судьбой, я сумел добраться до следующего подъезда. Сердце замерло, когда я увидел открытое пространство перед подъездом, но тут же снова забилось о грудную клетку. На веревках перед подъездом сохло белье, частично закрывая обзор снайперу. Последующий рывок – отрезок времени оказался для меня растянут на века. Вот сейчас...

Только нырнув в прохладный полумрак подъезда, я осознал, что жив и, возможно, буду жить. Я уже закрывал за собой дверь подвала, когда услышал нарастающий рев форсированного двигателя, спустя несколько секунд резко оборвавшийся. Вместе с ним притих и гул голосов, благодаря чему голос Васильевны прозвучал особенно громко:

– Тот подъезд!! Тот! Убийца там!!

Услышав щелчок захлопнувшегося замка, я щелкнул выключателем. Тусклый свет озарил грязно-серые стены. Пройдя всю длину подвала, открыл ключом дверь, которая соединяла подвал с подсобкой магазина, выходявшего на

другую сторону улицы. Пройдя мимо двух грузчиков, воровавших коробки, вышел через грузовой подъезд магазина на улицу. Бросил взгляд на рану. На черной коже пиджака кровь почти не была заметна. Рубашка и подкладка пиджака стали своеобразным тампоном, но потеря крови давала себя знать. Голова мягко кружилась. Слабость обволакивала все больше, каждый последующий шаг давался мне все труднее. Неожиданно в спину ударил рев полицейской сирены. Именно он заставил меня собрать все оставшиеся силы и пойти быстрее.

Мое везение закончилось вместе с возбуждением, которое, гоня по крови адреналин, держало меня на плаву. Остановившись, я прислонился к стене и закрыл глаза. Желание присесть, а еще лучше прилечь тянуло меня к земле. Сумев преодолеть слабость, я оторвался от стены и, пройдя еще два десятка шагов, свернул за угол. Оглядевшись, понял, что это не очередной двор, а тупик, приспособленный под помойку. Возле трехметровой стены, старой кирпичной кладки, стояли несколько мусорных баков и сломанная скамейка с облупившейся краской. Неожиданно боль с такой силой вцепилась в мое плечо, что ноги разом стали ватными, а в глазах потемнело. Двор – тупик, мусорные баки...

Открыл глаза. Вечерело. Попытка пошевелиться сразу отдалась в области плеча ввинчивающейся болью. Осторожно сунул руку под пиджак – рубашка с подкладкой кожного пиджака, набухнув, взяли на себя роль тампона, не дав окон-

чательно истечь кровью. На следующее мое движение в ребра ткнулась рукоятка ТТ. Мой клиент хотел, чтобы убийство выглядело как попытка вооруженного ограбления, но не как заказное, поэтому от пистолета, бумажника и часов я собирался избавиться позже. Некоторое время пытался придать телу более удобное положение. Когда мне это удалось, вдруг неожиданно почувствовал на себе чей-то взгляд. Рука сама поползла к рукоятке пистолета. Желание жить на какое-то время заглушило грызущую плечо боль. Звуки и время словно замерли. Рука сжала рукоять ТТ. «Ну! Давай! Выходи...»

– Мужик, ты че?

Не успела фраза прозвучать, как меня отпустило. Я снова вернулся в мир людей: услышал гудение двигателей, звонкий смех девушки, ощутил резкую прохладу весеннего вечера и... вонь. Кислый, противный запах. К горлу подкатил комок. В это время над баками появилась голова. Мутный взгляд, седая щетина недельной давности, отеки под глазами. Тупая растерянность бомжа подсказала мне, что делать дальше. Выпустив рукоятку пистолета, я ткнул в его сторону пальцем, при этом с трудом выдавив из себя пересохшими губами:

– Ты кто, мужик?

Это была попытка прикинуться пьяным, который, придя в себя, пытается понять, где он очутился. Муть в голове, соединившись вместе с болью, помогла мне в создании образа. Икнув для антуража, я бросил взгляд вокруг себя. Лицо

бомжа несколько просветлело, когда до него дошло, что происходит. Обычная, жизненная ситуация. Напился человек и заснул, а что на помойке, так дело житейское.

– Я? Я – Жига. Меня тут все знают. Ты чего здесь? Отлить зашел и вырубился?

– Уга-дал, – губы были словно деревянные, с трудом протолкнув слово.

Я снова начал плыть. Понимая, что вот-вот отключусь, я пошел ва-банк:

– Ты поблизости живешь? – После его кивка головой, я продолжил: – Выпить... хочешь?

– Вопросов нет, – четко отрапортовал санитар города, правда, после легкой заминки все же добавил: – Ежели тыставишь, конечно.

Попытка встать на ноги с помощью Жиги удалась с первого раза. Я даже смог почти самостоятельно проделать часть пути, под стеклянный перезвон бутылок, несшийся из потертого полиэтиленового пакета, пока окончательно не провалился в небытие.

Старый торшер освещал кусок стены, покрытый старыми, местами вздутыми, обоями. Окон не было. Отсюда нетрудно было сделать вывод: я нахожусь в полуподвале. Слегка повернув голову, я встретился глазами с Жигой. Пока я пытался сообразить, как разговаривать с хозяином подвала, он начал действовать. Рванув без всякой жалости присохшую

к ране рубашку, он плеснул на рану водку из бутылки, которую держал в левой руке. Этого я никак не ожидал. Его горестный вздох утонул в моем вопле. Рука автоматически рванулась к поясу, но пистолета не было на привычном месте. Приподняв голову, только тут я увидел, что мой пиджак вместе с пистолетом валяются рядом с матрасом, на котором я лежал. Жига, тем временем, приложился к бутылке. Кри-вась, сделал пару больших и быстрых глотков. На секунду замер, словно прислушиваясь к себе, затем протянул мне. Я брезгливо качнул головой.

– Как хочешь. «Скорую» вызвать?

Я снова отрицательно качнул головой.

– Почему-то я так и думал, – лицо его стало медленно наливаться нездоровой краснотой. – Давай на бок.

Таким же варварским способом он обработал выходное отверстие. Достав из пакета вату и бинт, перевязал меня. Не успел я с тяжелым вздохом перевернуться на спину, как бомж сунул мне под нос свою грязную лапу, на которой лежали две капсулы и таблетка.

– Это что? Откуда?

– Не бойсь. Не колеса. Из аптеки. Эти две болеутоляющие, а это... блин! Уже забыл! Короче, против воспаления. Ну, что смотришь? Жуй! Из аптеки, точно говорю, – некоторое время мы смотрели друг на друга, после чего он запустил руку в рядом лежащий полиэтиленовый пакет и шарил там до тех пор, пока на свет не появилась сначала коробочка, а по-

том пластина, запаянная в фольгу. – На. Смотри. Недоверчивый ты наш.

С этими словами он бросил мне упаковки на грудь. Я взял их здоровой рукой, прочитал названия, после чего столкнул на пол. Это было не совсем то, что нужно, но, учитывая данные обстоятельства, вполне терпимо.

– Давай таблетки. И воды. Пить хочу.

После перевязки всколыхнутая боль стала медленно спадать. Дойдя до определенного предела, она остановилась, но усталость, температура и таблетки сделали свое дело, и я заснул, словно провалился в темный омут. Не знаю, сколько проспал, но в какой-то момент меня что-то вытолкнуло из сна и только через несколько секунд мне стало понятно, что виной этому была не боль, а человеческий взгляд. Не сразу стало понятно, что это лицо хозяина подвала, так он изменился за то время, пока я спал. Его ожившие глаза сейчас рассматривали меня с доброжелательным любопытством. Судя по всему, он сейчас находился в том состоянии, когда подпитые люди жаждут общения.

– Уж извини. Пока ты был в отрубе, я порылся у тебя в карманах, – приняв мое молчание за одобрение, продолжил: – Ну, вот и хорошо. Меня Жига зовут. Впрочем, я это тебе, похоже, говорил. Кто ты, не спрашиваю. Слушай... я к чему разговор веду. Я тут... пожрать купил. Тебе есть надо. Здоровье восстанавливать. Сам понимаешь...

Не обращая внимания на его болтовню, бросил несколь-

ко быстрых взглядов вокруг себя. Увидев лежащий на сером солдатском одеяле, в нескольких сантиметрах от моей руки, пистолет, я не смог удержаться, чтобы не прикоснуться к нему. Хозяин подвала, заметив мое движение, сразу сменил тему:

– Во, во! Как же без инструмента! Профессионал, он же сразу чувствуется. Тут уж, что в человеке заложено. Кому от черта, кому от бога. У меня от бога был талант. У меня ведь руки были, – тут он прервался, чтобы сделать глоток водки из пластикового стаканчика, – золотые! Послушай...

Лежа на грязном, засаленном матрасе, постеленном прямо на полу, я смотрел в возбужденное лицо алкоголика, создавая видимость внимания, а сам стал думать о том, что же пошло не так. При этом настолько сильно углубился в свои мысли, что совсем забыл о хозяине подвала и, когда мне поднос сунули две грязные лапы, я инстинктивно отдернул голову, а затем с трудом сдержался, чтобы не обругать его.

– Ты посмотри на них! Посмотри! Было время, когда эти руки творили искусство. Не веришь?! Сейчас, погоди!

Вскочив, Жига неровной, покачивающейся походкой побежал в дальний угол, где стал рыться в облезлой тумбочке. Некоторое время он что-то перекладывал, затем воскликнул:

– Вот он! Он не даст соврать! Этот альбом я пронес через все!

С толстой книгой, заляпанной жирными пятнами и захватанной так, что потеряла свой первоначальный облик, он

вернулся ко мне. Книгой оказался цветной альбом – каталог татуировок.

– Здесь мои мысли, чувства, мое сердце и душа... – его пространная речь продолжалась некоторое время, пока он неожиданно не сменил тему разговора: – Слушай! У тебя на предплечье орел изображен. Хорошо сделано! Но орел – это небо! Простор! А у тебя его нет. Понимаешь, нет! Один маленький штрих. Разреши, а? Ты не смотри на меня! Я сейчас в самой норме! Уважь, а? Как-никак я твой спаситель.

Минуту молчал, не зная, что ответить на странную просьбу. Послать его... С другой стороны, он был пока нужен...

«Черт с ним!»

– Все, – дыхнув на меня сивушным перегаром, благоговейно произнес Жига. – Иде-аль-но.

Пока спившийся татуировщик любовался творением своих рук, я вдруг почувствовал себя как-то необычно. Прислушался к себе. Это не было тревожным звонком – проявлением инстинктов, не раз спасавших мне жизнь, это было нечто совсем другое. Ощущение, превращающее объемный и яркий окружающий мир в тусклые и плоские декорации, оставляя меня наедине... Резкий стук в дверь отвлек меня, но еще не освободил полностью от непонятного состояния. Только это дало возможность Жиге первому открыть рот.

– Хорош стучать, уроды! Дверь ломаете! Да открою сейчас, открою!

Он только начал подниматься с колен, как взгляд, задержавшись на моем перевязанном плече, заставил его замереть. В дверь снова застучали. Глаза Жиги растерянно бегали от меня до двери и обратно. Он явно растерялся. Стук снова повторился, но уже более сильный и настойчивый. Пальцы сами вцепились в рукоять пистолета. Я четко, отделяя слова друг от друга, чтобы они проникли в затуманенный мозг алкоголика, сказал:

– Подойди. Спроси. Но не открывай.

В ответ он кивнул головой, после чего поднялся с колен и медленно, словно во сне, пошел к двери.

– Кого принесло?!

– Жига, открывай! У меня пузырь! В натуре!

Голос был сильный и резкий, явно не принадлежавший полупьяному приятелю бомжа.

«За мной!»

Страх, отодвинув боль, помог мне сесть, прислонившись спиной к облезлым обоям. Жига в растерянности топтался у двери. Я передернул затвор и стал медленно поднимать пистолет, стараясь раньше времени не напрягать руку.

«Если удастся убить всех – будет шанс. Иначе...»

В следующую секунду хлипкий замок был выбит сильным ударом. Дверь, резко распахнувшись, сбила с ног хозяина подвала, а уже в следующую секунду в сдавленный вопль Жиги вплелись негромкие хлопки. Один, второй, третий. Стреляли наугад. Брали на испуг, на неожиданность, пыта-

ясь понять, где я и как отреагирую. Вслед за выстрелами, в подвал в прыжке влетел человек.

Пистолет дважды дернулся в моей руке, и тело незваного гостя вместо того, чтобы красиво уйти в перекат, глухо шлепнулось на старый потрескавшийся линолеум. Ствол моего пистолета уже развернулся к дверному проему, ловя следующую мишень, как в грудь словно ударили гигантским кулаком, выбив из меня весь дух. Рука с оружием безвольно упала. Окружающий мир стал меркнуть...

Часть первая. Дикий Запад

Глава 1

Вечерние тени уже легли на городок под названием Моралес, когда два ковбоя медленно въехали на пыльную главную улицу и направились к конюшне. Они проезжали мимо офиса шерифа, как дверь неожиданно распахнулась и на пороге показался сам представитель закона Фред Морган, держащий лист бумаги в руке.

– Привет, Фредди! Здорово, шериф! – вразнобой поздоровались ковбои.

– Привет, парни!

– Кто-то новый появился, Морган?!

– Старый, – сердито буркнул шериф, прикрепляя афишку о розыске преступника к стене офиса. – Второй год ловят, а поймать не могут. Из банды братьев Уэйнов.

Ковбои, свернув, подъехали поближе. Молодой ковбой, почти еще парнишка, удивленно присвистнул, прочитав афишку.

– Чего свистишь, читай! – раздраженно бросил ему второй ковбой, мужчина в годах, с длинными густыми усами.

– Разыскивается властями штатов Техас и Арканзас, за ограбления и убийства, Джек Льюис! Живым или мертвым!

Награда три тысячи долларов! Приметы: возраст – двадцать три – двадцать пять лет, рост – шесть футов два дюйма, глаза – карие! Особые приметы: татуировка в виде головы орла на правом предплечье!

* * *

Окружающий мир ворвался в меня вместе с болью. Первый ее натиск был настолько силен, что я невольно застонал. Глаза смотрели на окружающий мир, словно через грязное стекло вагона, напряженно ловя постоянно ускользающую от взгляда картину. Потолок. Спинка кровати. Одеядло. Только я начал проваливаться в темноту небытия, как в поле зрения неожиданно появилась странная фигура. В чем проявилось ее необычность, сначала трудно было понять, так как сил хватало лишь на то, чтобы удержать на плаву сознание, не дать ему скользнуть в темный мрак беспамятства. Мужчина остановился в шаге от моего изголовья.

«Усы. Как... у... Тараса Бульбы. Шляпа, как... у ковбоя и еще... лошадью пахнет. Откуда он... такой... взялся?»

Сделав над собой усилие и отделив часть сознания от ломающей меня боли, я сфокусировал взгляд на необычном типе. Густые, пышные усы, свисавшие кончиками вниз. Шляпа с большими полями. Белая рубашка без воротничка. Жилет. Цепочка, один конец которой прятался в жилетном карманчике. Брюки на подтяжках, заправленные в высокие, об-

легающие ноги, сапоги. Человек, одетый как американский шериф, выглядел крепким, жилистым мужчиной с обветренным и загорелым лицом. Взгляд у него был холодный и цепкий. В довершение всего у обладателя странного гардероба на груди сверкала звезда американского шерифа, а на поясе – патронташе, в кобуре висел револьвер. Всю свою жизнь имея дело с различными типами оружия, я, в первую очередь, заинтересовался исторической реликвией, торчащей из его кобуры.

Здоровая штука и, судя по виду, весит весьма прилично. «И все-таки, что происходит? Это что?..» – не успел последний вопрос сформироваться в моей голове, как хозяин оружейного пояса, до этого пристально вглядывавшийся в меня, воскликнул:

– Вот дерьмо!

Как мне показалось, он даже несколько напрягся, встретившись со мной взглядом, по крайней мере, об этом свидетельствовала рука, произвольно опустившаяся на рукоять револьвера. Некоторое время мы смотрели друг на друга, пока он, повернув голову чуть назад, громко не закричал:

– Док!! Давай сюда!! Этот чертов ублюдок очнулся!!

Снова повернувшись ко мне, он сказал, причем явно недовольным тоном:

– Умеешь ты, Джек, людям жизнь портить. Думал, хоть на веревке сэкономим, и вот на тебе. Лечи теперь тебя, висельника. Я уже сегодня хотел послать нарочного к судье... Ду-

мал – помрешь, тогда мы твоих дружков быстренько повесим, а теперь жди, пока ты на ноги встанешь. Ладно, сейчас послушаем, что док скажет. Может, мне все-таки повезет и ты еще сдохнешь, сволочь.

Говорил он вроде понятно, но смысл его слов для меня был весьма тёмным.

«Джек. Это он про меня, что ли? Виселица? Дружки? Я, наверное, брежу. Иначе откуда мог появиться этот ряженный? И где я, черт возьми, нахожусь?»

Несмотря на боль, часть сознания начала автоматически изучать пространство вокруг себя на предмет опасности. Это было заложено в меня преподавателями спецшколы на уровне рефлекса, как у собак академика Павлова. То, что удалось охватить взглядом, вызвало у меня не меньшее удивление, чем этот тип. Это был деревянный барак без малейших признаков цивилизации, о чем говорило отсутствие даже стандартной прикроватной тумбочки. Спинка кровати была металлической, да еще какой-то архаической постройки. Линялая тряпка, типа занавески, висящая на веревке, отгораживала угол, где я лежал, закрывая от меня остальное помещение. Солнечный свет падал из-за моей головы, значит, окно там. Попытка повернуть голову в сторону окна отдалась в теле такой болью, что, не выдержав, я застонал. Из-за резкого приступа боли я на какое-то время прикрыл глаза, поэтому не сразу заметил появление у моей кровати полного мужчины, лет сорока пяти, с солидным животом и больши-

ми сильными руками. У этого типа усы, в отличие от шерифа, завершались плотной окладистой бородкой. Он бросил на меня хмурый взгляд, а затем повернулся к шерифу:

– Билл, тебе сколько раз говорить, это больница, а не поле боя! Чего ты орешь каждый раз так, словно поднимаешь солдат в атаку?!

– Ты мне лучше скажи, Митчелл, почему он еще не сдох? Кто мне недавно говорил, что с такими дырками не живут?!

– Я тебе что, Господь Бог?! Он один знает, кому жить, а кому умереть! Я всего лишь доктор в этом Богом проклятом захолустье! Отступи! Дай мне, наконец, посмотреть на раненого!

Отодвинув животом нахмурившегося Билла, он наклонился надо мной. Из-за длинного фартука, закрывавшего грудь, местами заляпанного кровью, выглянули широкие подтяжки. Бесцеремонно сдернув одеяло у меня с груди, эта пародия на доктора начала ощупывать меня, причиняя сильную боль. Мне ничего не оставалось, как стиснуть зубы и терпеть.

– Так. С плечом хорошо. Теперь грудь... рана чистая. Рот-то открой! Язык! Так. Температура есть, но лихорадка ушла. Хорошо молодчика отделали. Пуля в грудь и в плечо. Да крови сколько потерял... и все равно умирать не хочет, словно зверь за жизнь цепляется.

– Пить. Воды, – я с трудом вытолкнул сухие, ломкие слова через непослушные губы.

Не обращая ни малейшего внимания на мою просьбу, он продолжил обследование, одновременно продолжая говорить:

– Впрочем, он зверь и есть. Похоже, пуля не задела внутренних органов. Да-а... Не повезло тебе, Билл. Он встанет на ноги через две, а то и три недели. Все. Я пошел. У меня еще куча дел благодаря этому бандиту.

– Что Маклин совсем плох?

– Выглядит хуже, чем хотелось бы! А к тебе, – он уже обратился ко мне, – попозже сестру пришлю. Она сейчас занята. – С этими словами он развернулся и исчез за занавеской. Растревоженная этим садистом боль постепенно стала стихать, снова возвращая интерес к окружающему миру. Скользнул глазами по уже знакомой для меня обстановке. Нет, это однозначно не похоже на больничную палату, даже если предположить, что она находится в самой что ни на есть глуши. И еще... Весь разговор велся на английском языке! Как это я сразу не сообразил?! Тип, изображающий американского шерифа, странный доктор, вся эта архаичная обстановка, не соответствующая времени. Что все это значит? Спектакль, поставленный ради меня?! Но ради чего?! Ведь я прекрасно помнил обстоятельства, в результате которых оказался у татуировщика Жиги. Помнил, как ворвались в подвал мои преследователи. Помнил, как убивал и умирал... Умирал?! Стоп. Но я не умер. Я живой. Снова скосил глаза на человека, одетого шерифом. Бред... наяву?

— Где я? Кто я? — я попытался спросить громко и внятно, но сумел лишь выдавить из себя хриплый шепот.

Некоторое время человек по имени Билл недоуменно смотрел на меня. Потом, скривив в насмешке рот, сказал:

— Тебе всадили две пули в грудь, а не в голову, Джек! Так что брось придуриваться! А на вопрос: кто ты? — отвечу. Ты бандит и убийца, без чести и совести! Двое твоих дружков уже жарятся в аду, а через две недели вы втроем к ним присоединитесь. Потом придет время братьев Уэйн! Ты думаешь, рейнджеры оказались в городе случайно? Как бы не так! Это была засада! Когда твою голову оценили в три тысячи, тут же нашелся ублюдок, охочий до легких денег, но Бог все видит, и кара настигла иуду. Вместо денег предатель получил пулю. Ты, наверное, хочешь знать, кто он? Это Мидлтон. Да, тот самый банковский клерк, который сначала продал вам своего хозяина и благодетеля, а потом решил, что выгоднее продать вас, а нам после этого осталось только организовать засаду! Видишь, как все просто! Теперь, когда за голову каждого из Уэйнов дают по четыре с половиной тысячи долларов, я жду появления нового иуды. Знаешь, Джек, за полтора года службы шерифом я понял, что поймать таких, как ты, можно только случайно. За вами не угонишься! То вы грабите банк в Тоскане, а уже через две недели останавливаете почтовый дилижанс по дороге в Колумбус. Я правильно говорю, Джек? Ну что ты молчишь?

Я слушал этого человека и одновременно пытался по-

нять смысл происходящего, но в голову ничего не приходило, кроме дурацкой мысли, что нахожусь под действием наркотика, давшего подобный эффект. Даже если исходить из этого предположения, то как быть с болью или свежим ветерком, дующим из-за занавески и несшим с собой аромат луговых трав. К чему можно отнести звуки, доносящиеся снаружи: ржание лошадей, цокот копыт о твердую землю, скрип деревянных колес и гроыхание тяжелого фургона? Чем больше я пытался проникнуть в свои ощущения, надеясь уловить в них фальшь, тем больше приходил к мысли: если это бред или галлюцинация, то, что тогда реальность?

– ...твои дружки – висельники, оставшиеся в живых, Джесси Бойд и Роберт Форд...

Боль и сбитый с толку разум объединились против меня, терзая с удвоенной силой. Мне был нужен ответ. Сейчас. В эту секунду. Облизав сухие губы, я резко перебил шерифа:

– Билл, кажется, я спросил тебя: где я? Где я?!

Шериф, замолкнув на полуслове, некоторое время пристально вглядывался в меня:

– Откуда у тебя этот странный акцент, Джек? Мне говорили, что ты коренной американец.

– В какой Америке?! – прохрипел я.

Шериф, услышав мой вопрос, явно растерялся.

– Э-э... Я... сейчас дока позову.

– Не надо. Просто ответь.

– Америка. Техас, – буркнул он недовольным голосом.

– Какой год?!

– Ты меня начинаешь злить, Джек!

– Год!

– 1869.

Он не врал! Мозг, несмотря на боль, автоматически просканировал мимику, жесты, поведение этого человека и выдал результат: не врет. В нем была злость, раздражение, растерянность, но не было лжи. Ее не было, но просто так взять и поверить его словам я не мог. Слишком нереально. Глаза заскользили по помещению, пытаюсь найти хоть что-то, что могло бы указать на розыгрыш. Грубо побеленный потолок. Занавеска, колеблемая ветерком. Плотная шерсть одеяла под пальцами, а главное этот мужик, стоящий перед моей кроватью, в одежде шерифа времен Дикого Запада. От него несло табаком и лошадьё. Запахи и звуки... Все было против меня. Это была цельная картина чужого времени, без малейшего изъяна. Может быть, оно и так, но оказаться на сто сорок лет назад...

«Раз и!.. Нет, этого не может быть! Просто не может быть... – Я был в полной растерянности, что со мной случилось крайне редко. – А если попробовать сбить его с толку? Он сейчас уверен в себе и не ожидает подвоха. Хуже не будет».

– Актер из тебя никудышный, парень. Играешь с чувством, но достоверности – ноль! – При этом я постарался скривить губы в усмешке. – Консультант ваш где? Придется

ему лекцию по истории Америки прочитать! А камеру где прячете?

После моих слов с шерифом чуть не случился удар. Глаза округлились, челюсть отвисла.

– Ты что, Джек, совсем того?! Или бредишь?!

«Или он великолепный актер, или я... попал в прошлое. Прыжок во времени. Но как такое может быть? Стоп! Он говорил, что я... Как я сразу не догадался!»

Затаив дыхание, я осторожно поднял правую руку на уровень глаз и тут же уронил обратно.

«Этого... не может быть! И все же... Рука не моя, а разум мой. И память моя. Это что же... душа переместилась?»

Несмотря на шок и боль, мозг уже начал обрабатывать и анализировать окружающий мир, отталкиваясь от полученных фактов. Шериф из киношного персонажа превратился в реального человека, представителя местной власти, а значит, источника информации. Как и к любому информатору, к нему нужно было только найти подход.

«Доктор сказал, что он орет, будто солдат в атаку поднимает. Значит, солдат».

– Билл, ты воевал?

– В третьей кавалерийской дивизии генерала Кастерса, – он произнес эти слова с явным чувством гордости. – Прошел войну от начала до конца, закончив сержантом, – сказав это, он почти рефлексивно встал по стойке «смирно». Плечи подал назад. Выпрямился.

«Вот уж истинный солдат! Уже готов в бой, только приказ отдай! Интересно, генерал Кастерс – это южанин или северянин? Впрочем, мне какая разница».

– А кто сейчас президент?

– Генерал Грант. Улисс Грант.

«Пятидесятидолларовая бумажка. Хоть один знакомый».

– Что это за город?

– Данвилль, – он отвечал на мои вопросы, не думая, автоматически, а сам тем временем внимательно вглядывался в мое лицо, пытаясь понять, говорю я правду или у меня действительно что-то с головой, но, так и не придя к какому-либо решению, решил закончить разговор, ответив на мой очередной вопрос следующими словами: – Джек, как ты ни крути, а все одно тебе плясать на пару с конопляной тетушкой!

Затем резко развернулся, отдернул занавеску и вышел.

«С конопляной тетушкой? А... понял. Это он, похоже, виселицу имел в виду».

Через неделю шериф пришел снова, но уже в компании из двух человек. Оба относились явно к разряду власть имущих. Одеты строго. Сюртуки и жилеты темных тонов. Белые рубашки. Высокие стоячие воротнички. Шляпы-котелки. Об их состоятельности говорили массивные золотые цепи, свисающие из жилетных карманов. Правда, у одного из незнакомцев, стоящего позади всех, было еще два украшения, помимо золотой цепи. Кольцо-печатка на мизинце, которое он

постоянно крутил, явно нервничая, и начавший уже сходиться приличных размеров синяк на левой стороне лица. Мужчина, стоявший впереди, рядом с шерифом, имел круглую физиономию, обрамленную пышными бакенбардами, плавно переходящими в такие же пышные и густые усы. Какое-то время он, молча, рассматривал меня оценивающим взглядом торговца, пытающегося понять, сможет ли он получить с этого товара выгоду или нет. За неделю, пообщавшись с местным народом, мне нетрудно было прийти к выводу, что американцы этого времени люди простые и незатейливые, еще не умеющие столь искусно прятать свои чувства, как их потомки.

«Важности в нем сколько! Местный мэр? Скорее всего. Судя по взгляду, пришел с каким-то предложением. А вот второй... для меня загадка. Гладкий и прилизанный. Может, секретарь мэра? Вот только кто его отделал? Врезали ему, похоже, от души».

Мы рассматривали друг друга до тех пор, пока шериф Билл, этот непосредственный парень, не ткнул пальцем в синяк «секретаря»:

– Льюис, ты это тоже не помнишь?! Ведь это твой приклад оставил эту отметину!

«Прилизанный», бросив возмущенный взгляд на шерифа, сделал шаг в сторону, подальше от представителя закона и поближе к своему боссу, но шерифу, похоже, было плевать на светские условности:

– Ну, что ты теперь скажешь, висельник?!

«Так это я ему приложил! Знать бы еще: за что?»

– Слушай, Билл, этого человека я вижу впервые в жизни.

Что я должен вспоминать?

– Ну, ты и сукин сын, Джек Льюис! – шериф задохнулся от возмущения, лицо побагровело, пальцы сжались в кулаки. – Ты же, сволочь, его банк грабил! А теперь!..

Тут не выдержал банкир. Нервы у него, похоже, были уже на взводе, поэтому он сразу перешел на крик:

– Наглая сволочь!! Ты смеешь утверждать, что никогда не видел меня?! Это не поможет тебе избежать петли, Льюис! Ты за все заплатишь, грязный бандит!!

– Успокойтесь, уважаемый Барристер, – теперь слово взял большой босс. – То, что он все отрицает, не принесет ему никакой пользы. Он взят с оружием в руках на месте преступления. К тому же он обвиняется в ограблениях и убийствах в составе банды, на территории двух штатов. Не так ли, шериф?

В голосе этого человека звучало упоение властью. Было видно, что он относится к типу людей, которым дай власть, и они сразу начинают считать себя вершителями человеческих судеб, а каждое свое слово – откровением. Правда, судя по хитрой усмешке шерифа, похоже, даже в этом городишке с населением в сто пятьдесят человек он не смог завоевать себе должного уважения.

– Все верно, Клайд.

– Шериф, тебе сколько раз было сказано, что когда я при исполнении...

– Хорошо, хорошо, господин мэр, как скажете, – по лицу Билла скользнула новая ухмылка. – По официальным данным за бандой братьев Уэйн числятся ограбления пяти банков, четырех поездов и шести дилижансов, не считая разбоев на дорогах и налетов на фермы и ранчо. На банде висит двенадцать трупов. Пятеро из них были представителями властей и служащими компаний. Шериф, помощника шерифа, агент железнодорожной компании и два охранника из компании дилижансов «Уэллс Фарго». Эти убийцы заслужили не одну, а по две виселицы на каждого!

Слова шерифа всколыхнули в который раз мысли о предстоящей казни, которые я хоть и старался держать в узде, но это не всегда получалось. Вот и сейчас они вылезли наружу, простые и страшные, как сама смерть. Меня загнали в угол там, а предстоит умереть здесь. В чем же тогда смысл этого переноса? Или Господь Бог посчитал, что я еще не полностью рассчитался за грехи своей прежней жизни? Меня уже не занимала проблема переноса сюда, как первую пару дней, теперь я пытался найти хоть какую-то возможность избежать виселицы, но по тому количеству информации, что у меня было, итог однозначен: шансов выжить нет. Ни одного. Ближайший город находится в шестидесяти милях отсюда, и именно в нем расквартирован взвод рейнджеров, с помощью которых была устроена засада на Джека Льюиса, а

помимо него, на ближайшие пятьсот миль вокруг раскинулась равнина с редкими человеческими поселениями – фермерские поселки и ранчо. Не имея ни знакомых, ни оружия, не зная местной географии, я сейчас походил на слепого в стране зрячих.

Неожиданно надо мной нависло злое лицо шерифа, резко оборвав мои мысли:

– Ты что, спишь с открытыми глазами, Льюис?! Если нет, то отвечай, когда с тобой разговаривают! Или ты, крыса кладбищенская, считаешь себя...

– Успокойся, шериф! Мы пришли сюда не для угроз, ведь верно? У нас есть для этого человека предложение. Деловое предложение. Тебе интересно выслушать его, Льюис? – голос мэра на последней фразе изменился. Властность сменилась на вкрадчивый тон.

– Да. Интересно.

– Вот и хорошо. Через неделю, Льюис, тебя переводят в офис шерифа, к твоим друзьям. Там, я думаю, обсудив ваше незавидное положение, вы вместе начнете искать возможность побега. Вас можно понять, ведь никому не хочется умирать. Хотя бы взять тебя, Джек. Ты же хочешь жить, не правда ли? – он сделал паузу в ожидании моей реакции на свои слова, а когда понял, что ответа не будет, по его лицу проскочила гримаса досады. – Ты же знаешь поговорку, Джек: жизнь подобна укрощению лошадей, где тебя часто выбрасывает из седла. Вот и тебя выбросило. И ты совершь,

если скажешь, что опять не хочешь вскочить в седло!

– Клайд, что ты распинаешься перед этим висельником! Нам что тут стоять до вечера?!

– Ты как был тупым служакой, Билл, так им и остался! Человек должен осознать, что у него нет выбора! – Теперь, похоже, начал заводиться мэр. – Для этого его надо подвести к мысли... Тьфу! Перед кем я распинаюсь! Ты же не способен...

Мэр замолк, изобразив на лице трагедию великого мыслителя, чьи мысли опять оказались не поняты мелкими и тупыми людишками, после чего, приняв снова важный вид, продолжил:

– Хорошо! Я буду краток! Джек, мне нужны братья Уэйн. Поэтому мы хотим предложить тебе такой план. Один из этих двоих бандитов, сидящих сейчас в тюрьме, бежит. Находит братьев и приводит на выручку тебе, где их будут ждать в засаде рейнджеры. После чего ваши пути расходятся. Ты – на свободу, все остальные бандиты – на виселицу. Как тебе предложение?

«Вот сволочь... Впрочем, мне что за дело! Предложение поступило. Принимать его или нет? Они, похоже, не верят, что Джек потерял память. Думают, что тот знает, где логово банды. М-м-м... А те двое, Форд и как его... значит, на предательство не пошли. Как бы то ни было, в любом случае, надо соглашаться. Хуже, чем есть, уже не будет».

Некоторое время я хмурился, изображая угрызения сове-

сти, а затем зло буркнул:

– Хорошо. У меня нет выбора, я согласен.

Мэр, при моих словах, засиял, словно новенький пятак на солнце, очевидно, этот «гениальный» план был его детищем, после чего бросил торжествующие взгляды на свою свиту: сначала на шерифа, а потом на банкира. Шериф в ответ нахмурился, а банкир выдавил из себя довольно кислую улыбку, но, судя по довольному лицу главы городка, тому было наплевать на их чувства. После чего мэр, посчитав свою миссию выполненной, коротко кивнув мне на прощание, развернулся и важно, с чувством собственного превосходства, вышел. Следом за ним исчез за занавеской банкир. Шериф задержался, очевидно, что-то хотел сказать мне, но в последнюю секунду передумал, обдав меня презрительным взглядом, резко развернулся и вышел вслед за ними.

«Чем черт не шутит, вдруг кто-то из бандитов знает, как найти этих братьев Уэйн. А тогда... у меня может появиться шанс».

То, что в ловушку могут попасть люди, пришедшие меня спасать, меня не волновало. К банде я не имел никакого отношения, поэтому факт предательства, как таковой, отсутствовал. Просто представился шанс спасти свою жизнь. Вот и все. Как будут говорить потом, в двадцать первом веке: «ничего личного».

Глава 2

Схватив винчестер, помощник шерифа пинком ноги распахнул дверь и выскочил на улицу. Чернильная темнота ночи поглотила его с головой. Где-то рядом послышался цокот копыт: проскакал всадник. Вокруг гремели выстрелы и кричали люди. На секунду Бартон замер, пытаясь понять, насколько все плохо. Злость, растерянность, страх рвали его на части, но грохот взрыва, прогремевший в центре города, заставил его сорваться с места и броситься по направлению к офису шерифа. Он уже подбегал, как где-то рядом, за домами противоположной стороны улицы, истошно закричала женщина. Бартон замер, развернулся на ее крик, пытаясь понять, что ему делать, бежать на крик или... Как вдруг из темноты раздался голос:

– Готов умереть, законник?!

– Дьявол! – проревел в ответ помощник шерифа, выстрелив на голос, и тут же увидел сверкнувшую в темноте вспышку, а в следующую секунду что-то раскаленное вонзилось в тело Клайда Бартона, взорвавшись у него в груди. Он попытался выстрелить еще раз, но тело больше не слушалось его. «Я умираю?».

Винчестер выпал из его рук. Не успело оружие упасть на землю, как грянул новый выстрел. Удар в живот пошатнул его, в попытке удержаться на ногах, он сделал заплетающий-

ся шажок вперед, но не смог удержаться на ногах. Искорка жизни уже затухала, и он уже не почувствовал боли, когда с силой ударился о твердую землю лицом.

* * *

1869 год. Около четырех лет тому назад закончилась Гражданская война между Севером и Югом. Год с лишним назад в штате Юта рельсы соединили Восточное и Западное побережья страны, образовав первую трансконтинентальную магистраль. Америка того времени представляла собой союз тридцати шести штатов, во главе которых стоял восемнадцатый по счету президент, генерал, герой войны за независимость, Улисс Грант. В прериях бегали тысячные стада бизонов, а индейцы то воевали с регулярной армией, то снимали скальпы с белых поселенцев, пытаясь подобным образом отстаивать свои права на свободу и независимость.

Еще дальше за океаном находилась Россия с царем-бабьюшкой и двуглавым орлом, а рядом с ней раскинулась Европа с королями, кайзерами и прочими самодержцами. Все было правильно и логично в этом мире, идущем, как и положено, из прошлого в будущее, за исключением меня, человека, пришедшего из будущего в прошлое. Александр Тур, ставший Джеком Льюисом. Каким-то образом наши личности оказались связаны. Я даже как-то озадачился вопросом: нет ли какой-либо связи между татуировкой и моим переносом

во времени? Также были у меня некоторые подозрения, что если копнуть глубже, то, возможно, наше сходство опирается не только на тату и внешнюю схожесть наших занятий, а имеет некую внутреннюю духовную подоплеку. До этого момента я не думал о Льюисе как о личности, а как о последнем сукином сыне, из-за которого оказался в смертельной западне. Теперь, когда обстоятельства несколько изменились и у меня появился шанс, мне хотелось узнать об этом бандите как можно больше, чтобы не попасть впросак при разговоре с моими коллегами по разбоям и налетам. Для сбора информации я использовал своих охранников, набранных из местных добровольцев и стороживших меня круглые сутки. Используя их скуку, особенно в ночное время, я предлагал им себя в качестве благодарного слушателя, и они охотно, не скупясь, делились со мной всем тем, что знали о банде и ее членах.

Оказалось, что братья Уэйн, Майкл и Барт, познакомились с Джеком Льюисом на Гражданской войне, воюя на стороне южан. Всю войну они прошли плечом к плечу от начала до конца, под командованием генерала Генри Ли, вплоть до того дня, когда была подписана безоговорочная капитуляция. Если кто-то решил, что дело южан проиграно и сложил оружие, то только не они! Горячие сердца, ущемленное самолюбие и жажда реванша толкнули их на продолжение борьбы, правда, в несколько иной форме. Они вступили в Ку-клукс-клан, в то время только начинавший формировать-

ся как движение, но спустя какое-то время вышли из организации, создав свой отряд под названием «Белый Орел», постепенно выродившийся в обычную банду. Их первой пробой сил был налет на почтовый дилижанс, затем последовало ограбление поезда, после чего они вошли во вкус. Банки, поезда, сборщики налогов, богатые ранчо. Вместе с их успехами росла численность банды. До этой ловушки, в которую угодили пять человек, в том числе и Джек Льюис, считалось, что в банде порядка двенадцати – пятнадцати человек. Судя по тому, что ей удавалось действовать на протяжении двух лет, банда была хорошо организована и мобильна, к тому же она действовала на громадной территории двух штатов – Техаса и Арканзаса. За два года своей деятельности банда так достала власти штатов, что те чуть ли не каждые полгода поднимали суммы вознаграждений за головы бандитов, но благодаря тому, что банда не трогала фермеров и мелких ранчеров, она сумела приобрести статус «народных героев» и до последнего дня предателей не находилось. Конечно, без страха тут не обошлось, поэтому уходить от наказания им помогал не только образ благородных мстителей, но и страх расправы над возможными предателями, но при этом их «подвиги» постоянно были на слуху у народа, о них много говорили, о них писали в газетах. Особенно журналисты выделяли братьев Уэйн и Льюиса, посвящая им целые статьи, поэтому ничего удивительного не было, что люди знали об этих бандитах не намного меньше, чем о своих

ближайших соседях.

Все охранники, как один, были сильно расстроены, узнав о моей утрате памяти, так им хотелось узнать волнующие кровь подробности «подвигов» банды братьев Уэйн из уст самого Джека Льюиса. Особенно их интересовал бандит по кличке «Апач» Томсон, который, как мне рассказывали, является личным палачом братьев Уэйн, пытая и убивая людей по их одному лишь слову.

– Вот его бы пристрелили сразу, не раздумывая, как бешеного пса, попади он в руки преследователей, – так закончил о нем свой рассказ мой охранник Стив Мэгон. – Такая мразь в человеческом образе не должна жить на божьем свете.

– А как насчет меня? – поинтересовался я.

Тут неожиданно выяснилось, что о Льюисе ходила слава «честного» человека, так как он никогда не стрелял в спину врагу, а потому, по мнению рассказчика, заслуживал справедливого суда.

– Какая разница. Или сразу на суку вздернут, или потом повесят после оглашения официального приговора, – скептически заметил я, выслушав мнение охранника. – Смерть, она и есть смерть.

Тут, к моему удивлению, охранник возмутился подобным подходом к этому делу:

– Ты что, Джек?! Ваша казнь – это же праздник для народа!

Далее я узнал, что на суд и на повешение соберется на-

род, живущий в радиусе двухсот, а то и трехсот миль. Приедут семьями, с запасом продуктов. Возможно, устроят ярмарку. Увидев в моих глазах изумление, охранник охотно пояснил: людей соберется много, так почему бы им не заработать лишний доллар, если есть такая возможность. Конечно, слушать о подобном было занятно, если при этом не думать о том, что вешать будут именно тебя.

Судя по тем рассказам, что мне довелось услышать, Люис являлся не только честным бандитом, но и в своем роде новатором среди здешних профессионалов грабежа и налетов. Именно он сделал обрез ружья основой нового способа для грабежа банков. Два последних ограбления прошли по одному и тому же сценарию, при его непосредственном участии. Днем, в наиболее жаркое время дня, когда в банке почти нет клиентов, в операционный зал заходил молодой человек в праздничном наряде мексиканца, богато обшитом серебряным галуном, и с наброшенным на плечи ярким пончо. Трудно увидеть в празднично одетом человеке бандита, даже наметанному глазу. Служащие пребывали в спокойном расположении духа ровно до того момента, пока из-под пончо не появлялся на свет ствол дробовика, до этого висевший на особой петле под мышкой, скрытый цветастой накидкой. Работники банка только начинали понимать, насколько далеко зашла в своем развитии человеческая подлость, как в банк врывались остальные бандиты. Дальше следовало банальное выгребание наличности из сейфа и карманов посе-

тителей, если те оказывались на тот момент в банке, после чего всех связывали и запирали в дальней комнате.

«Кольт, дробовик, винчестер. В книгах и в кино, насколько помню, на первом месте стоял револьвер. Даже банки грабили с револьверами, а тут за все время видел только один, у шерифа. Ладно, это не столь важно. Подведем итоги. Джек Льюис, налетчик и грабитель, но не отморозок, по местным понятиям. Трупы за ним числятся. Судя по непроверенным слухам, именно он убил помощника шерифа и охранника почтового дилижанса. Парень физически здоровый. Возраст двадцать три – двадцать пять лет. Воевал четыре года. Потом больше года где-то болтался. Ку-клукс-клан и все такое прочее. Два года в банде. Не любит черных, индейцев, мексиканцев. Судя по кулакам, – я в который уже раз оглядел мощные кулачищи, доставшиеся мне по наследству, – врежет, слабо не покажется. Похоже все. Хотя нет. Есть еще цена за его голову. В этом есть определенная изюминка: не каждый человек знает, сколько он стоит, а я вот знаю. Три штуки баксов. Если судить по словам того же Мэгона, который проработал четыре месяца ковбоем на ранчо, а получил за свой труд только сто долларов, то бабки весьма и весьма неплохие».

Изучение местной жизни и личности Льюиса помогало мне, в какой-то мере, отвлечься от постоянного ожидания смерти. Как оно сложится в дальнейшем, угадать невозможно, а виселицы никто не отменял. В свое время я случай-

но наткнулся на выражение Сенеки: «Человек жив, пока жива надежда» и сразу подумал, что оно может составить философскую основу моей работы. Ведь смысл моей работы, бойца специальной разведки, сводился также к одной фразе: «Убить – чтобы выжить». Как Льюис, так и я, мы постоянно ставили свою жизнь на кон, ходя по краю пропасти. Мне нравилось воевать, играть в прятки со смертью, чувствовать, как закипает адреналин в крови. Все продолжалось до того момента, пока не был допущен промах, причем не только по моей вине, но и из-за неожиданно усложнившейся ситуации, которую просто было невозможно просчитать заранее.

В результате меня отстранили от операций и определили на новое место работы, сделав инструктором по стрельбе в одной из спецшкол. Лишив того, чем я жил, у меня тем самым забрали смысл жизни. Пусть далеко не самый правильный, пусть даже сродни наркотику, как утверждают психологи, но это было то, что я умел делать и что мне по-настоящему нравилось. Время шло, и мне пришлось смириться с существующим положением вещей, правда, этому, в немалой степени, способствовало чувство собственной вины. Теперь мне нужно было понять, как жить дальше, потому что размеренная жизнь служащего, пусть даже со специфическим уклоном, меня никак не устраивала. Мысли были разные, вплоть до бегства за границу. Наемники или Французский легион, Африка или Азия, мне было все равно, лишь бы снова играть в кошки-мышки со смертью. Как вдруг неожидан-

но поступило предложение убить человека. Даже не человека, а бандита, не поделившего игорный бизнес с другим отморозком. Человек, который мне это предложил, когда-то был моим командиром, два года назад ушедшим в отставку. Не знаю, кто кого удивил больше. То ли он меня неожиданным предложением, то ли я его своим мгновенным согласием. Почему я этим занялся? Во-первых, не хватало нужной дозы адреналина в крови, во-вторых – денег, а вот третье, даже не знаю, как назвать. Что-то вроде Божьей Кары. Я всегда считал, что негодяев нужно наказывать. Конечно, глупо подменять собой Божье провидение, но человек такое существо, что себе в голову вбил, то и будет делать. Так и со мной.

На второй день, после того как мне удалось встать на ноги и пройти пару шагов без посторонней помощи, мне принесли одежду. Обноски с чужого плеча. Стоптаные ботинки, заштопанные в двух местах брюки с подтяжками и засаленную, шитую на чье-то весьма объемистое брюхо, рубаху. Развернув ее, я скривился, а помощник шерифа, заметив это, выдал следующий шедевр местного юмора:

– Чего кривишься, Льюис? В ней и в «пеньковом галстуке» ты будешь смотреться, как настоящий джентльмен!

Его поддержал смехом стоявший рядом охранник с дробовиком в руках. Кривясь от боли, я медленно, с трудом оделся, и как только вбил ноги в грубые ботинки, охранник в ту же секунду откинул занавеску, разрешая мне, первый раз

за все время, покинуть «камеру». На первом же шаге боль сдавила грудь, но я даже не обратил на нее внимания, все мои мысли и чувства были устремлены к тому, что находилось за дверным проемом. Какая-то часть меня – вопреки всему – все же надеялась, что все происходящее окажется гигантским розыгрышем. Поднятые из глубин сознания сомнения и колебания породили внутри меня не свойственную мне нерешительность, заставив остановиться на какие-то мгновения у полуоткрытой двери, но уже спустя несколько секунд я толкнул дверь и шагнул за порог. Какую-то секунду впитывал в себя картину, открывшуюся моим глазам, затем колени дрогнули, по телу пробежала дрожь, и я пошатнулся. Доктор Митчелл, шедший сзади, поддержал меня, а затем помог прислониться к стене.

Яркие и жгучие лучи августовского солнца с непривычки вызвали резь в глазах. Смахнув набежавшую слезу, я почувствовал кожей тепло солнца, ощутил спиной неровность и шероховатость бревен, услышал пение какой-то птицы, кружащей высоко в небе. Медленно обвел взглядом двойной ряд обветренных, украшенных декоративными фасадами каменных и бревенчатых домов, большая часть которых никогда не знала краски, коновязи с верховыми лошадьми, пыльную утоптанную дорогу между ними, уходящую вдаль по обе стороны городка, и только потом перевел взгляд на толпу людей, собравшихся на противоположной стороне улицы.

«Это не только другое время... это другой мир. Чужой

мир».

Неожиданно в мозг острой иглой вошло осознание полного одиночества. Чужак! Только теперь до меня дошло горькое и острое чувство, заложенное в этом слове, а чувство физической беспомощности еще более усугубило это ощущение. Не сразу, но мне удалось взять себя в руки, и чтобы отвлечься от горьких мыслей, я стал, в свою очередь, рассматривать толпу, правда с меньшим энтузиазмом и любопытством, чем те разглядывали меня.

Отдельной группкой стояли четверо мужчин и три женщины. Мужчины, в числе которых были мэр с банкиром, несмотря на жару, были одеты в костюмы-тройки, белые сорочки и шляпы. Женщины были одеты в длинные, ярких расцветок, приталенные платья. На головах у них были смешные шляпки с искусственными цветами, а в руках они держали раскрытые зонтики, прикрываясь ими от палящего солнца. Их яркие наряды, все в ленточках и бантиках, смотрелись необычно для моего глаза, но все равно привлекательно на желто-сером фоне выжженных солнцем домов и земли. В двух шагах от местной элиты, у входа в местный магазин, стояли два человека в серых фартуках. Рукава их рубашек были засучены. Над головами тружеников прилавка золотом горела вывеска «Универсальный магазин Браннера». Рядом с магазином возвышалось двухэтажное здание с вывеской попроще, где черными буквами на белом фоне было написано: «Отель». На его веранде собралась основ-

ная часть любопытных: ковбои, фермеры, лавочники, мелкие служащие. Часть из них стояли, облокотившись на перила, другие сидели на ступенях или просто стояли, в одиночку и группками. Все они были одеты в сапоги, жилеты и шляпы различных фасонов. Среди мужчин затесалось несколько женщин, одетых просто и скромно. Две из них держали в руках накрытые кусками материи корзинки. В десятке метров, на самом солнцепеке, держась особняком, стояли три босоногих негра. Материалом для их так называемой одежды явно служила мешковина. Обежав глазами присутствующих людей, я, с некоторым удивлением, отметил, что местные мужчины явно выбиваются из расхожего представления обывателя о Диком Западе, так как почти ни у кого из них не было оружия, разве что у парочки ковбоев на бедре висели револьверы. Еще одной неожиданностью для меня стала полная раскованность людей, которые, ничуть не смущаясь моим присутствием, оживленно обсуждали меня во весь голос, при этом сыпля во все стороны незамысловатыми шутками, но не прошло и пары минут, как вдруг головы зрителей, присутствующих на шоу «Известный бандит Запада Джек Люис», одновременно повернулись влево. Вслед за ними я повернул голову и увидел, как на улицу из-за угла ближайшего дома выехал экипаж в сопровождении двух всадников, вооруженных винтовками. Клубы пыли, поднятые колесами, еще не начали оседать, как на мое плечо опустилась рука. Повернул голову. Охранник, кивнув головой в сторону эки-

пажа, дал мне понять, что надо идти.

Усевшись на обитое кожей сиденье, я разрешил себе немного порезвиться и, подняв руку, несколько раз приветственно махнул подступившей к коляске толпе, чем вызвал взрыв криков и свиста в народе. На месте кучера сидел другой помощник шерифа, с ярко начищенной звездой на рубашке, а по обеим сторонам открытой коляски сидели на конях добровольцы из ковбоев в лихо сбитых на затылок шляпах, картинно уперев приклады винтовок в бедра. Не успел сопровождавший меня охранник сесть рядом со мной, как помощник дернул поводьями, и мы отправились в путь. Пару раз мимо нас проносились всадники, оставляя за собой шлейфы пыли, медленно протащился фургон, но все, будь на коне или пешие, останавливались, чтобы проводить взглядом мою бледную физиономию. Если первые минуты мне были интересны проявления чувств местных жителей, то уже сейчас их неумеренное любопытство стало надоедать, что нельзя было сказать о моем сопровождении, помощнике шерифа и охранниках. Они просто млели от всеобщего внимания, при этом пыжась и принимая героические позы, тем самым все больше походя на детей, пытающихся подражать взрослым людям. Путь к офису оказался намного короче, чем я ожидал: пять минут езды – и мы остановились перед очередным зданием барачного типа, правда, на этот раз каменным, с решетками на окнах.

– Теперь, Джек, ты здесь будешь болеть, пока петля тебя

окончательно не вылечит!

Дружный смех охранников подтвердил, что шутка удалась. Стараясь не растревожить раны, я осторожно сошел на землю. Оглянулся по сторонам и замер от неожиданности. В ста метрах, где заканчивались последние дома, начинался простор. Ничем не ограниченное пространство до самого горизонта, где небо сливается с землей, полное свежего ветра и нежных ароматов луговых трав, я воспринял как зверь, заключенный в клетку. Даль завораживала, манила к себе, обещая свободу. Мое состояние тут же оказалось поводом для шутки одного из охранников:

– Смотрите, Джек Люис уже себе путь для бегства намечает!

Новый взрыв хохота, после которого охранник-шутник грубо развернул меня к двери, где меня уже ждали. На пороге стоял шериф, а из-за его спины выглядывал его очередной помощник.

Переступив порог офиса, я сразу попал в царство полумрака. Солнечный свет с трудом проникал сквозь грязные стекла обоих окон, явно не мытых со дня постройки этого заведения. Меня подвели к письменному столу, рабочему месту шерифа. Охранник с винтовкой встал за спиной. Сам шериф сел в кресло и стал медленно и осторожно заполнять графы в пухлой, большой тетради, смахивающей на конторскую книгу. Было видно, что эта работа была для него менее привычна, чем скакать на лошади или стрелять из револьве-

ра. Один из помощников шерифа сел на стул, стоящий рядом со столом, и принялся раскуривать сигару, второй законник тем временем уселся боком на край стола, поставив карабин у ноги, после чего уставился на меня немигающим взглядом. Я не стал мериться с ним взглядом, а вместо этого принялся неторопливо осматриваться. Прямо за спиной шерифа я увидел деревянный топчан – кровать с матрасом и брошенным на него тонким одеялом. Ближе к двери ряд деревянных колышков, вбитых в стену, изображал вешалку, хотя использовалась она явно не по назначению. На двух из них висела конская сбруя. В углу стоял металлический ящик, типа сейфа, с нелепыми украшениями по углам, а также стеллаж для хранения оружия, куда двое добровольцев, сопровождавших меня, только что поставили свои винтовки. Примерно треть большого и просторного помещения была отделена от общего пространства частыми толстыми металлическими прутьями. За ними я увидел двух человек, сразу подошедших к решетке при моем появлении. Как только новизна ощущений пошла на спад, я ощутил и увидел все то, что ускользнуло от меня в первый раз.

Потолок в серо-желтых разводах, грязный, заплеванный пол, вонь немытых тел, грязных лохмотьев и блевотины, очевидно, въевшаяся намертво в пол и стены этого «дворца правосудия». Больше смотреть здесь было нечего. Взгляд вернулся к шерифу. Массивный стол, за которым тот сидел, с резными ножками и некогда полированной поверхностью,

был завален различными предметами. Рядом с пачкой бумаги различного формата и чернильницей лежал массивный ключ, затем еще связка из трех ключей меньшего размера, две коробки с патронами, винчестер. Завершали этот натюрморт несколько тоненьких стопок плакатов с физиономиями разыскиваемых преступников, поверх которых лежал хлыст. С видимым облегчением на лице шериф захлопнул книгу записей, затем поднялся, взял со стола большой ключ, обойдя стол, подошел к металлической двери. Щелкнул замок, дверь, проскрежетав, распахнулась. Охранник тем временем подвел меня к ней, после чего легким толчком в спину отправил меня в камеру. Сделав по инерции два шага, я остановился, скривился от боли.

– Что силы девать некуда, морда толстая?! – один из бандитов, здоровенный бугай, тут же выступил в мою защиту. – Человек еле дышит, а вы его в спину пихаете.

– А ему много здоровья не надо, лишь бы хватило до виселицы дойти! – снова проявил свое чувство юмора помощник шерифа, который меня сюда привез.

– Встреться ты мне пораньше, я бы твои слова живо пулей в пасть обратно затолкал! – зло бросил хмурый здоровяк.

– Ты что, Форд, не знаешь эту крысу со звездой по имени Клайд Бартон?! В твоём присутствии он бы посмел раскрыть рот только в одном случае! – встрял в разговор второй бандит, не дав охранникам ответить.

– В каком, Джесси?! – спросил его здоровый бандит.

– Увидев тебя, он сначала затрясся от страха, а потом униженно попросил тебя выпить за его счет! Ха-ха! – выдав местный образчик юмора, бандит-балагур зашелся от смеха. – Ха-ха!

– Ха-ха-ха! – ему во все горло вторил здоровяк.

Парни так тряслись от хохота, что были вынуждены отпустить меня, и я, наконец, смог развернуться. Картина была еще та! Перекошенная от гнева физиономия Бартона, злые морды охранников, только шериф, закрывший камеру, стоял с невозмутимым лицом. Но, похоже, помощник шерифа был не из тех людей, которые останавливаются на половине пути. Держа в руках винчестер, он решительно шагнул к прутьям решетки. Судя по бешеному взгляду, похоже, Бартон был готов действовать, к тому же рядом с ним, плечом к плечу, встали охранники-добровольцы, вместе с другим помощником шерифа.

«Что это с ними?! На солнце, что ли, перегрелись?!» – не успела эта мысль сформироваться у меня в мозгу, как тут же получил на нее ответ бандита-остряка:

– Мы их тут с утра до вечера подначиваем, вот они на стенку и лезут!

Неожиданно клацнул затвор, загоняя патрон в ствол. Клайд Бартон был, похоже, готов, сам вершить правосудие, не дожидаясь суда, зато остальных металлический лязг сразу привел в чувство. Нахмуренные лица людей разгладились, злоба в глазах потухла. Шериф, стоявший сбоку и внима-

тельно наблюдавший за происходящим, неожиданно сделал шаг вперед и встал перед Бартоном.

– Назад! – его голос прозвучал резко, зло и требовательно. – Ты что, телок безмозглый, чтобы идти на поводу у бандитов?! Убери винтовку! Ублюдки свое получают, я тебе это говорю!

Когда дверь за добровольцами и Бартоном закрылась, шериф уселся на свое законное место, после чего закинул ноги на стол и надвинул на глаза шляпу. Его второй помощник некоторое время стоял у окна, потом сел на стул и уставился своим неподвижным взглядом в пространство.

– Жаль, что эти грязные ублюдки не решились ворваться к нам, – сказал бандит, чуть не спровоцировавший самосуд, после того, как мы сели на лавку.

Молодой, не больше двадцати лет, с холодными глазами и жестким выражением лица, на котором алел шрам от ножа, Джесси Бойд являл собой, по моему разумению, истинный образчик бандита Дикого Запада.

– Почему, Джесси? – спросил здоровяк, глядя на своего приятеля по-детски наивно.

Верзила, похоже, был туговат на голову. Природа, отказав ему в мозгах, взамен дала излишек силы. Парень прямо бугрился мышцами.

– Потому что пуля лучше петли! – сказал, как отрезал, Бойд.

– А по мне...

– Я уже знаю, что ты хочешь сказать, Форд! У тебя на лице все написано! – отвернувшись от приятеля, Бойд развернулся ко мне. – Ты как, Джек?

– Нормально, Джесси. Только голова...

– Слышали. Ладно, ты пока полежи, Джек, а то чего-то совсем бледный лицом стал. После поговорим.

Устроившись на самом конце лавки, бандиты освободили мне место, чтобы лечь. Немного поерзав и найдя на жестких досках наиболее удобное положение для тела, я закрыл глаза. Мне надо было разобраться и сделать выводы из того, что сегодня увидел. Во-первых, подтвердились мои самые первые наблюдения. Люди здесь просты, открыты и доверчивы. В этом не было ничего удивительного, ведь их личная жизнь практически выставлена напоказ. Да и куда и ее спрячешь в городке на четыре десятка домишек с магазином в центре городка и двумя салунами, на въезде и выезде. Во-вторых, их законы – это их жизнь. Как мне сказал один из моих охранников, по жизни – ковбой, здесь, на Западе, есть три преступления, за которые кара только одна – смерть. Убийство человека (если это была не самозащита и при свидетелях), изнасилование женщины, конокрадство. Эти законы явно соответствовали библейскому варианту: не убей, не возжелай жену ближнего своего, не укради. Просты и доступны. Так же как и кара для отступников от этих законов – петля и пуля. Судьба человека здесь решалась быстро. Как сказал тот же разговорчивый ковбой, здесь иной раз больше времени

затрачивалось на выбор и покупку оружия или стада скота, чем на разбирательство вины человека.

Некоторое время перебирал в памяти картинки сегодняшнего дня. Перед глазами проплывали лица, жесты, слова. Между ними всплывали более мелкие детали. Обломанные и грязные ногти рук охранника, сжимающего винчестер, темные пятна пота под мышками помощника шерифа, пыльные маски лиц с прочерченными дорожками пота двух ковбоев, встреченных по дороге и остановившихся, чтобы поглазеть на меня, затем картинки стали расплываться, куда-то проваливаться, вслед за ними провалился в сон и я.

Проснувшись от резкого грохота, ударившего по ушам, я открыл глаза. Тьма. Свист каменных осколков, выбивающих на стенах неровную дробь на фоне тяжелого грохота от кающихся по полу обломков каменной стены. Только прислушавшись, я разделил общий шум на отдельные звуки. Это были выстрелы и крики людей, идущие снаружи. Глаза, привыкнув к темноте, различили фигуры бандитов, стоявших у дальнего конца решетки. Одна из них обернулась. Голос Джесси спросил меня:

– Ты как, Джек?! Не задело?!

– Все хорошо!

– А наших законников, похоже, уже черти в аду встречают! – с нескрываемым злорадством воскликнул он.

Встав, я подошел к решетке. При неярком свете луны, падавшем из окна, были видны следы разрушения, нанесенные

взрывом, который буквально вынес часть глухой стены офиса шерифа. Сила взрыва была такова, что разнесла в щепки оружейную стойку, разбросав ее куски вместе с искореженным оружием по всему помещению. Возле письменного стола, рядом с опрокинутым стулом, ничком лежало тело человека. Кто это был, понять было трудно. Неожиданно раздавшийся протяжный стон где-то в стороне стола привлек мое внимание, и я не сразу заметил, как сквозь дыру в стене проскользнул человек с двумя револьверами в руках. Не обращая на нас никакого внимания, он подбежал сначала к лежащему ничком человеку. Мгновение всматривался в него, затем двинулся дальше, направляясь к стонущему человеку, а уже в следующую секунду огонь полыхнул у дульного среза одного из револьверов, резко оборвав стон раненого. После чего бандит, всматриваясь в полумрак и чертыхаясь вполголоса, стал искать ключи. Найдя, подбежал к решетке. Щелкнул замок. Дверь распахнулась.

– Не надоело вам, парни, жрать казенные харчи?!

Не зная, кто передо мной, я предпочел молчать, зато мои сокамерники, успев разглядеть его, заорали в один голос:

– Майкл Уэйн! Гореть мне в аду, если это не Большой Майкл!

Тот, не обратив никакого внимания на их бурный восторг, просто сунул впереди стоящему Форду в руку револьвер и сказал:

– На коней, парни! Задайте жару этим жирным грязным

свиньям!

Следом за Фордом из камеры выскочил Бойд.

– Ну что, Джек, заждался?!

– Есть немного! – я старался говорить коротко, чтобы не выдать себя произношением.

– Руки, ноги целы. Голова на месте, – пробасил здоровяк, оглядев меня. – Давай за мной!

Быстро и ловко для своего массивного тела развернувшись, он скользнул в серый туман, отдающий кислым запахом взрывчатки, стоявший в проломе. Я двинулся следом. Не успел выбраться наружу и сделать пару глотков ночного воздуха, особенно свежего и бодрящего, после затхлой камеры, как раздался нетерпеливый голос Уэйна, откуда-то слева:

– Пошевеливайся, Джек!

Не успел я развернуться на его голос, как неподалеку раздался взрыв, заглушивший все звуки вокруг, но уже через секунду треск выстрелов и крики людей разразились с новой силой.

– Джек! Дьявол тебя побери! Быстрее!

Только я успел подбежать к Майклу, уже сидевшему в седле, как о грудь ударился, отозвавшись в ней вспышкой боли, тяжелый и упругий сверток. Я даже не успел понять, что это, как руки сами развернули его – и через минуту оружейный пояс лег на бедра. Привычным движением сдвинул кобуру ближе к животу. Сунул ногу в стремя – и я в седле. Затем сунул руку в седельную сумку и вытащил обрез. Взвел кур-

ки. Все это я проделал автоматически, не осознавая своих действий.

– Как в старые добрые времена, Джек.

– Точно, Майкл.

– Уходи! Встретимся на ранчо Педро. Удачи тебе, Джек!

– Удачи, Майкл!

Развернув коня, я направил его в ночную темноту. Проскочив мимо нескольких деревянных строений, я уже был готов исчезнуть в ночи, как слух, обостренный до предела, уловил топот копыт чужой лошади, тело сразу напряглось, готовое к действию. Попридержав коня, я начал медленно поднимать обрез.

«Кто предупрежден – тот вооружен», – всплыла в моей голове латинская поговорка. В этот момент из-за угла показался всадник. Не раздумывая ни секунды, я выбросил вперед руку с обрезом и выстрелил ему в грудь. Раздался грохот, дробовик резко дернуло вверх. В воздухе поплыло облачко дыма, тут же подхваченное ветерком. Противник тоже был готов стрелять, но потерял секунду, пытаясь определить, кто перед ним: друг или враг. У меня не было подобных сомнений, так как в друзьях я здесь никого не числил. Его лошадь, дернувшись от грохота выстрела, испуганно заржав, встала на дыбы. Тело всадника долю секунды сопротивлялось падению, затем, обмякнув, скользнуло по боку лошади и рухнуло на землю. Лошадь подо мной испуганно рвалась прочь, сдерживаемая только удилами. Отпустив поводья, дал ей во-

лю. Некоторое время за своей спиной я еще слышал крики, беспорядочную стрельбу, лошадиное ржание, но со временем звуки затихали, пока не пропали совсем, оставив меня наедине с ночью и звездами.

Глава 3

– Я скажу тебе вот что, Джек. Револьвер на твоём поясе заставляет людей думать, что ты можешь им пользоваться. Одних он заставит держаться от тебя подальше, другие же, наоборот, захотят убедиться, насколько ты крут.

– Что же у тебя получается, Лоутон? Надел оружейный пояс, значит, будь готов к разборкам? А если мне по службе револьвер положен?

– Как мне сказал один заезжий умник с Востока: убийство – неотъемлемая часть жизни на Диком Западе. Тебе я скажу проще. Просто наступает момент: или ты убиваешь, или тебя убивают. Середины не бывает.

– Так можно решить дело миром. Извиниться, в конце концов.

– Конечно, можно. Но в глазах остальных это будет выглядеть, будто бы ты униженно просил прощения, вымаливая жизнь на коленях, после чего ты долго не проживешь в городке. Когда люди от тебя отвернутся, ты запрежешь фургон и уедешь далеко-далеко. Туда, где никто не знает о твоей трусости.

* * *

Остановился я только тогда, когда восток начал светлеть.

Мышцы тела ныли, но не так чтобы сильно, благодаря телу Джека Льюиса, которое чувствовало себя в седле, как дома, больше давали себя знать не до конца зажившие раны и, конечно, слабость. Именно из-за нее я почти сполз с седла, чтобы тут же растянуться на траве. Какое-то время я просто лежал, не двигаясь, набираясь сил. Степь была полна звуков. В густой траве жужжало, стрекотало, шуршало, а над головой сначала защебетала какая-то птица, затем ее пение подхватила другая, за ней – третья. Я наслаждался тишиной, спокойствием и... неподвижностью. Лошадь, кося на меня время от времени карим глазом, с удовольствием хрустела сочной травой. Спустя какое-то время я вдруг понял, что зверски хочу пить. С трудом поднявшись, подошел к лошади. При моем приближении она сделала несколько осторожных шагов вбок, но не стала сильно возражать, когда я начал копать в притороченных к седлу сумках. Неожиданно за спиной раздался шорох. Револьвер словно сам прыгнул мне в руку. Взмахнув куком, я встревоженно вглядывался и вслушивался в окружающее пространство. Наконец, ближайшие кусты раздвинулись, из них высунулась мордочка любопытного зверька, наподобие сурка.

«Чтоб тебя!» – с облегчением подумал я, но чувство настороженности не сразу оставило меня, заставив оглянуться вокруг себя.

Это было странное, никогда раньше не испытываемое, ощущение. Кругом, насколько хватало человеческого взгляда,

да, раскинулось безбрежное море травы, уходящее за горизонт. И ты совершенно один. Я словно оказался на необитаемом острове, вдали от городов и людей. С трудом освободившись от захлестнувшего меня чувства одиночества, я приступил к исследованию содержимого мешков. В них был запас патронов, две большие фляги с водой и вяленое мясо с лепешками. Помимо продуктов и патронов в одном из мешков я обнаружил тючок с одеждой. В скатке за седлом лежали свернутые одеяло и пончо. В кожаном чехле, притороченном с левой стороны седла, лежал винчестер. Оглядев доставшееся мне имущество, я открутил крышку фляги и с минуту жадно глотал воду. Напившись, вспомнил о лошади. Шаря взглядом в поисках емкости, наткнулся на брошенную в траву шляпу. Вылив в нее полфляги воды, я сунул своеобразным ведром в морду коня. Тот двумя глотками осушил его, потом пару раз ткнулся носом во влажную подкладку, требуя добавки, но я не знал, когда нам в этой бескрайней степи может встретиться источник с водой, поэтому решил попридержать запасы.

Ни есть, ни спать мне не хотелось, и я решил, пока есть время, надо разобраться с оружием. Сняв одеяло, разложил на нем весь арсенал. Винчестер, дробовик со спиленным прикладом и маленький револьвер для скрытого ношения. Обнаружив на дробовике веревочную петлю, перекинул ее через плечо, затем под мышку – и вот дробовик висит на груди. Для стрельбы одной рукой.

«Так мне это о ней говорили! Хм. Для скрытого ношения... — руки сами взяли цветастую накидку мексиканского происхождения. — Как же ее... А, пончо!»

Сунув голову в прорезь, я набросил накидку на плечи. Затем осмотрел себя:

— Несколько ярко, но сидит неплохо. И дробовик почти не видно. Ну-ка попробуем! Пиф-паф! Хм.

«Уловка нехитрая, но ведь сумел же Льюис взять два банки! Правда, если местные банки похожи на здешних людей, то их только ленивый не ограбит».

Немного потренировавшись с дробовиком, перешел к винчестеру. Несколько раз зарядил и разрядил его, а когда разобрался в работе механизма, засунул его обратно в чехол, а затем взял в руки маленький револьвер, предназначенный для скрытого ношения. Он имел довольно большой калибр для своих размеров и прикрепленную к нему петлю. Прикинув конструкцию, я понял, что с помощью этой петли револьвер крепится на руке. Еще немного покрутил его в руках, после чего снова завернул в тряпицу, из которой его достал. Убрав арсенал, скинул тряпье и стал одевать припасенную для меня одежду. С одеждой проблем не было, зато с сапогами я изрядно намучился. Они не имели ни шнуровок, ни застежек, а держались на ногах за счет их плотного облегаения. Затем, несмотря на то, что есть не хотелось, заставил себя перекусить, после чего стал собираться в дорогу.

Вечерело. Умолкли голоса птиц. Сизые сумерки опустились на землю, и я уже начал подумывать о ночевке, как неожиданно заметил странное поведение лошади. Она тянула морду в сторону, при этом прядая ушами. Что-то чувствовала, но что? Может, воду? Опустив поводья, дал ей волю, а несколько минут спустя заметил яркий отблеск. Костер.

«Погоня? Но костер горит в той стороне, куда я еду. Да и откуда они могут знать, в какую сторону я поехал? Пусть даже это не погоня, но у костра могут сидеть разные люди. Бандиты, ковбои, конокрады, торговцы. Вдруг кому-нибудь из них понравится моя лошадь или меня узнают, как Льюиса? Объехать костер по дуге? И сколько так ехать, а главное, куда?»

Не успел я прийти к какому-либо выводу, как за меня все решили. Неожиданно со стороны огня раздалось звонкое ржание, и моя лошадь не замедлила откликнуться на зов. А будь, что будет! Единственное, что сделал, перед тем как направиться к людям, то достал из чехла винчестер и положил его перед собой. Уже подъезжая, понял, что это ковбои, перегонщики скота, так как большое темное пятно за их спинами оказалось стадом, которое гонят на продажу.

Въехав в круг света, я встретил внимательные, настороженные взгляды двенадцати человек, расположившихся у костра, и автоматически разделил их на три группы. К первой группе относились семь парней в возрасте от восемнадцати до двадцати пяти лет, сидевших на расстеленных одея-

лах, ко второй – отнес трех человек со смуглой кожей и оливковыми глазами. Это были мексиканцы, судя по их сомбреро и пончо. Они сидели отдельно от остальных. В третью группу включил двух человек, возрастная планка которых явно превышала возраст любого из ковбоев, сидевших вокруг костра. По их загорелой, дубленой коже лиц, прорезанных морщинами, я мог только сказать, что им обоим далеко за сорок. Один из этих двоих с кряжистой фигурой и цепким взглядом явно выделялся из ряда обыкновенных людей, от него веяло энергией и властью.

«Похоже, он здесь босс».

Оказавшись в перекрестье взглядов, я замялся, не зная, что обычно говорят в подобных случаях, а потом решил: чем проще – тем лучше.

– Привет, парни! Кофе угостите?!

Взгляд старшего ковбоя, перед тем как ответить, скользнул по моему винчестеру. Я понял его как намек, сразу убрав винтовку в чехол.

– Слезай с коня, незнакомец. Для хорошего человека ни тепла огня, ни кофе не жалко.

Но стоило мне только слезть с лошади, как из темноты, в круг света, выехали два молодых ковбоя на лошадях. У одного через луку было перекинут винчестер, у второго в руках был дробовик. Задержавшись с минуту, чтобы рассмотреть гостя, они развернули лошадей и ускакали обратно в ночь. Расстелив на траве одеяло, я снял оружейный пояс и

кинул рядом с собой, на траву. Мне налили в кружку из стоящего на углях кофейника черную жидкость, после чего перестали обращать на меня внимание. Искусственное безразличие словно отделило меня от этих людей, выведя меня из их круга, хотя при этом как в них, так и в их изредка бросаемых на меня взглядах не было ни малейшей враждебности. Первым пришло облегчение. Меня не узнали. Затем пришло раздражение, смешанное с неловкостью. Словно я оказался в гостях, где все друг друга хорошо знают, общаясь между собой, а тебя, незваного гостя, просто не замечают.

«Никто даже не спросил моего имени. Так принято или я сделал что-то не то?»

Пока я недоумевал, разговоры у костра шли своим чередом.

– Знавал я когда-то одного ковбоя, – начал молодой вихрастый парень, сворачивая самокрутку и хитро поглядывая вокруг. – Исключительно исполнительный был человек. Дай ему только задание сделать то-то и то-то, он и рад стараться. Как-то однажды посылает его босс пригнать на ранчо всю живность, что бродит к югу от горного хребта. До вечера ковбоя никто не видал, а как стало темнеть, глядь – идет и ведет с собой сто двадцать семь голов крупного рогатого скота, тридцать овец, три снежные козы, семь индюков, рыжую рысь и двух медведей... И это еще не все – он заклеймил их всех до единого!

Взрыв хохота был такой силы, что казалось, он достиг са-

мих звезд. Только смех стал стихать, как прорезался голос очередного юмориста.

– А чего?! Все верно! Только насчет овец соврал, – с невинным видом произнес сидящий рядом крепыш с красным платком на шее, сбитым набок. – Коровы и овцы в одном стаде не ходят.

Новый взрыв хохота взорвал тишину. Отхлебнув черной и горькой жидкости, которая только запахом напоминала кофе, я стал прислушиваться к разговору босса с пожилым ковбоем. Там шел степенный разговор о ценах на говядину, торговце Джексоне и даст ли он цену, как в прошлом году. Мексиканцы просто сидели, молча, глядя в огонь. От нечего делать снова прислушался к разговорам молодежи, тем более что те уже перестали травить анекдоты.

– Тим, ты Сэма Сандерса, помнишь?

– Помню. У парня есть только две радости в жизни. Виски и драка. А что с ним приключилось?

– Повесили его.

– Да ну! За что?!

– Через его же дурость! Помните, шайку конокрадов словили, Норта Твидла. Их еще в Форт-Брауне судили. Народ съехался со всех сторон поглядеть, как их вешать будут. Ну и Сандерс, конечно, приехал. И сразу в салун. Кинул в себя несколько стаканчиков виски, после чего решил выяснить отношения с человеком, стоящим рядом с ним у стойки. Начали они махать кулаками, пока Сэм за нож не схватился. Не

успел он и глазом моргнуть, как на него народ, сидевший в баре, насел. Скрутили и за решетку кинули.

– А вешать-то за что? Он же...

– Да молчи ты! Дай дослушать! – зашикали на парня, перебившего рассказчика.

– Через час после драки состоялся суд. Собирались вешать четырех конокрадов, а повесили пятерых. Вместе с Сэмми Сандерсом.

– Как так? Его за что? Как такое случилось? – со всех сторон раздались недоуменные голоса.

Ковбой затянулся последний раз, кинул окурок папироски в костер, выдержал паузу, как и положено умелому рассказчику, и только потом продолжил:

– Забыл вам сказать, что судья, который председательствовал, имел здоровенный синяк под левым глазом. И был это не кто иной, как Рони Пайпер.

– Так это он с судьей подрался?! Вот придурок!

– Тогда все поня-ятно-о! – протянул один из ковбоев. – Одна кличка этого судьи сама за себя говорит. «Вешатель».

– Парни, это не тот ли судья, который вешает всех подряд, без разбора?

– Этот. Ни одного приговора не отменил.

– Говорят, он уже сотню человек повесил.

После этих слов наступила тишина. Наступившим молчанием воспользовался старший ковбой:

– Хватит языки чесать, парни! Ложитесь спать!

Ворчание ковбоев было чисто символическим жестом недовольства, потому что, не успели они завернуться в свои одеяла, как мгновенно заснули. Вслед за ними улеглись мексиканцы. Некоторое время я еще смотрел на огонь, а потом и сам последовал их примеру.

Когда я проснулся, вокруг никого не было, зато в отдалении были слышны звуки движущегося стада – глухой рев быков, недовольное мычание коров, звонкое ржание лошадей. Поднял голову. Костер догорал, а синий дым, клубясь, вздымался к начавшему светлеть небу. Пожилой ковбой, беседовавший вчера у костра с боссом, сейчас запрягал в фургон лошадей. Даже не повернув головы в мою сторону, он закричал:

– Завтракать будешь?! Еда на тарелке! Кофейник на углях!

Встал я с трудом. Рана в груди и натруженные мышцы давали о себе знать. Ополоснувшись, сел на свернутое одеяло возле затухающего костра. Закончив грузиться, ковбой подошел ко мне.

– Наливай себе кофе. Ешь. Я тоже с тобой кружечку выпью, – присев рядом, он взялся за кофейник. – Меня зовут Билл Лоутон. «Метатель еды».

Увидев недоумение в моих глазах, пояснил:

– Это такое прозвище. Я повар.

Кивнул ему головой, что понял, а затем впился зубами в

жареное, чуть тепловатое, мясо, с такой жадностью, словно голодал, как минимум, неделю. Тарелка опустела в три минуты. Несколько секунд соображал, обо что вытереть жирные пальцы, наконец сорвал несколько пучков травы и вытер руки. Взял кружку с налитым кофе. Повар, наблюдавший за мной, нейтрально заметил:

– Ковбой бы вытер руки о сапоги.

Попытка вывести на разговор. Дескать, если не ковбой, то кто ты? Поговорить хочешь? Пожалуйста. Мне как раз надо узнать про дорогу, так почему не у него?

– Меня зовут Джек Форд. Спасибо за еду. Было очень вкусно.

Ковбой только кивнул головой, соглашаясь с моей оценкой его стряпни. Я подумал, что раз мы познакомились, приличия соблюдены, то можно приступить к расспросам, но Лоутона, похоже, интересовал только сам процесс поглощения утреннего кофе. Пришлось самому продолжить разговор:

– Слушай, Билл. Я тут, похоже, немного заплутал.

Повар повел себя так, словно я говорил не с ним, а сам с собой. Поставив кружку на камень, достал кисет и трубку, затем последовал неторопливый процесс набивки трубки.

– Мне бы хотелось как можно быстрее достичь железной дороги, чтобы добраться... до Нью-Йорка.

Лоутон сделал первую затяжку, затянулся.

– Бежишь?

Я поперхнулся кофе и закашлялся. Вопрос ударил не в бровь, а прямо в глаз.

– Бегу... гм, от себя.

В принципе, я сказал правду. Я бежал от «славы» Джека Льюиса.

– Где-то... я уже это слышал.

Он задумался, потом, словно просветлел лицом.

– Ты с востока. Угадал?

«С востока? Он, очевидно, имеет в виду, что я прибыл с Восточного побережья. А почему бы и нет!»

– Угадал, Билл.

Повар самодовольно усмехнулся и начал мне объяснять, как ему в голову пришла эта светлая мысль:

– Это было год назад, в Додж-Сити. Как-то в баре, за стаканчиком виски, я разговаривал с одним мистером Лаковые Башмаки из Бостона. Набравшись, тот начал рассказывать о себе. Он, типа, газетчик. Вставил, как раз, эти самые слова. Он еще много чего говорил, и все как по-писаному. Вроде хотел «вдохнуть воздуха свободы». И прочий такой бред. Ты тоже в газеты пишешь?

– Не пишу.

– Акцент у тебя странный. Ты немец?

– Нет. Русский.

– Знавал я одного немца. Отто его звали. Неплохой был парень. Застрелили его в Додж-Сити. Хм. Россия? Вроде слышал, но не уверен, что речь шла именно о ней. Много тут

вас, приезжих, в голове путается. Давно в Америке?

– Недавно, – подумав, добавил: – С полгода.

– Ну и как тебе?

– Пока трудно сказать.

– На востоке где был?

– Нью-Йорк. Оттуда прямо сюда.

После такого ответа мне осталось только молиться, чтобы повар не оказался родом из Нью-Йорка.

– А я из Кентукки. Там есть такой небольшой городок Битворт. Я там не был с четырнадцати лет. Как уехал, так и мотаюсь по стране. Я так понимаю, ты не был в тех краях?

– Не был, но мне хотелось бы понять, в какую сторону ехать, чтобы попасть к железной дороге.

– Если пойдешь с нами, точно до нее доберешься. Только мне кажется, тебе этот путь не подойдет.

Его слова меня сразу насторожили, но повар не заметил или сделал вид, что не заметил. Сделав очередную затяжку, он медленно выпустил дым в небо.

– Почему? – осторожно спросил его я.

– Все просто, парень. Стадо делает за дневной перегон от силы двадцать пять миль, значит, только недели через четыре, не раньше, мы увидим рельсы. Думаю, для тебя это слишком долго.

– Правильно думаешь, Билл, – с облегчением подтвердил я его слова.

– Станный ты человек, Джек. По твоему виду я бы ре-

шил, что ты родом с Запада, а по разговору – только что сошел с восточного экспресса...

Я сделал вид, что не заметил небольшой паузы, тогда Лоутон продолжил:

– Ладно. Мне уже надо ехать. Садись ко мне в фургон, поговорим по дороге.

За время нашего разговора я получил массу нужной и ненужной информации, а повар – возможность всласть почесать языком. Неторопливо и доходчиво он объяснял и рассказывал мне, как живут люди на Диком Западе.

– Наша жизнь далеко не сахар, как бы там, на востоке, ни думали, и все равно они сюда бегут, кто за новой жизнью, кто за свободой. Я вот, что скажу: свободу на хлеб не намажешь и вместо штанов не оденешь. Как и там, приходится на хозяина работать. Но-о, милые!! – некоторое время он кричал на лошадей и щелкал в воздухе кнутом, потом продолжил: – Вот за перегон скота хорошо платят, но за эти деньги парни работают по двенадцать – четырнадцать часов в сутки, день из дня. К тому же наши деньги еще зависят от цен на мясо, от состояния скота, а также от самих торговцев. К тому же...

Меня заботы ковбоев мало трогали, поэтому я временно отключился, пытаюсь систематизировать полученные сведения. Стадо гонят в Канзас, в Абилин. Этот город – скотоводческий центр, где его оценят, купят, погрузят в вагоны и отправят на восток. Город сравнительно большой, насколько это возможно для Запада, если судить по рассказу Лоуто-

на. Уже через пару недель там будет настоящее столпотворение, когда начнут прибывать стада. Билл говорит, что в город вместе со скотом каждую неделю пребывает по четыреста – пятьсот ковбоев, поэтому нетрудно будет затеряться среди такой толпы, а затем незаметно сесть на поезд. Но четыре недели... За это время все что хочешь может случиться. Правда, Лоутон утверждает, что я могу быть в Абилине уже через восемь – десять дней, если поеду сам, но большая часть пути проходит по обжитым местам, а значит, встречи с представителями закона мне никак не избежать. Второй путь – двигаться к океану. Достигнуть порта, а там сесть на пароход – и поминай, как звали! Но этот путь, как я понял из сравнительной географии Лоутона, почти в два раза длиннее, а главное, он находился в том направлении, откуда я бежал.

«Дубль два. Джек Льюис, пройдите, пожалуйста, к эшафоту. Нам необходимо переснять сцену с вашим повешением».

Третий путь был самым простым и в то же время самым сложным. Просто взять и поехать в направлении железнодорожных путей через равнину. Если держаться правильного направления, то, по выражению Лоутона, «морда твоей лошади уткнется в рельсы через четыре-пять дней». Там уж как повезет. Можно встать на пути паровоза, а можно вскочить на тормозную площадку вагона, когда поезд резко снижает скорость, например, при крутом повороте. Лучше, конечно, найти станцию. Но трудность этого пути заключалась не в

способе посадки на поезд, а в поисках воды. Места, по которым придется ехать, по большей части, пустынные, неисследованные.

«В этих местах я проскочу незамеченным, но только что делать с водой? Взять запас. А если сойбьюсь с пути?»

– Чего задумался, парень? Едем с нами! Знаешь, как говорят про Додж-Сити?! «Здесь можно нарушить все двенадцать заповедей и умереть. И всё в один день». Так я тебе вот что скажу, Абилин не хуже. Сначала, как следует, отможем в ванне. Потом переоденемся во все новое и в салун. Пропустим несколько рюмочек, пообедаем, а там уже каждому свое. Я – за игорный стол, а ты с парнями – в танцзал. Они большие любители вскапывать пол мотыгой с ситцевой королевой!

Я посмотрел на него вопросительно, пытаясь одновременно понять, что может означать эта странная фраза.

– Слушай, Джек, я все время забываю, что ты не наш. Это чисто ковбойское выражение означает: танцевать с женщиной. Хотя, по правде говоря, топтание на месте, при этом стуча каблуками в пол, вряд ли можно назвать танцем. Уж поверь мне, я успел кое-что повидать в жизни. Как-то я был приглашен на свадьбу дочери мирового судьи. Так вот там...

Все же я решил рискнуть, избрав третий путь. Еще сутки я пропутешествовал с ковбоями, а утром расстался с ними. Честно говоря, трое суток в седле здорово меня вымота-

ли, и если бы не большая часть второго дня, проведенная на кучерском сиденье, рядом с Лоутоном, я бы просто сейчас рухнул на землю и лежал неделю без движения. Болела каждая клеточка тела. Горела грудь. Даже заныло раненое плечо, хотя я уже думал, что больше не придется о нем вспоминать, но, несмотря на боль, настроение у меня было приподнятое. Со слов повара мне стало известно, что если погоня не настигает беглеца в первые сутки, то власти поиски прекращают, переходя к стандартным мерам: расклейке розыскных листков и повышению награды за голову. Если я все правильно понял, мне ничего не угрожает до тех пор, пока буду придерживаться безлюдных мест и объезжать населенные пункты. Правда, и помимо закона на Западе хватало опасностей, но тут все зависит от тебя самого. Кто кого опередит. Напряженность за эти дни постепенно сошла, и я мог позволить себе несколько расслабиться. Прошло не менее двух часов, как я расстался с ковбоями, и, хотя проспал восемь часов, отдохнувшим себя не чувствовал, так как эти трое суток постоянного движения прилично подорвали мои силы. Лошадь, словно почувствовав мое состояние, сама перешла с легкого галопа на шаг. Я пытался бороться со сном, но, видно, в какой-то момент проиграл бой, закрыв на мгновение глаза. Проснулся оттого, что лошадь встала. Судя по положению солнца, спал часа полтора, не меньше. Как только я не грохнулся с лошади и не свернул себе шею? Скорее всего, тут опять было дело в навыках тела настоящего Джека Лью-

иса. Мозг отключился, предоставив всю власть инстинктам и навыкам бандита, который всю свою сознательную жизнь провел в седле, чего нельзя было сказать обо мне. Мои навыки работы с лошадью ограничивались только полутора месяцами общения с этими животными. Эта командировка стояла особняком от обычных заданий, которыми мне обычно приходилось заниматься.

«Странно. Прожил одну жизнь, теперь живу другой... А ведь в свое время мне часто приходилось жить по чужим паспортам, то есть жить чужой жизнью. Как и сейчас. Но эта жизнь, не как те. Она другая. Интересно, для чего она мне дана? – я в который раз задал себе этот вопрос, но, так же как и раньше, не смог получить ответа. – Все. Хватит забивать голову тем, на что нет и, скорее всего, никогда не будет ответа! Мне дали направление на восход, но при этом надо было забирать чуть левее, тогда я выйду на источник. А я, судя по солнцу, ехал правее».

Только я успел развернуть лошадь в нужном направлении, как раздался еле слышный звук, типа громкого щелчка, при этом он явно не принадлежал к местному животному миру. Вот еще один, и еще. Теперь не трудно было определить, что где-то вдали идет перестрелка. Я привстал в стременах. В той стороне виднелись какие-то постройки. Если не вглядываться в них специально, то в потоках горячего воздуха и на таком расстоянии, они просто казались нечетким коричневатым пятном.

«Похоже, местные ребята развлекаются. Как у них тут принято. Сначала бандиты грабят мирных скотоводов. Потом меняются. Мирные скотоводы, озверев, гонятся за бандитами. Впрочем, это их игры и меня они не касаются».

Тронув поводья, я направил лошадь в нужном мне направлении, подальше от местных разборок, но, как оказалось, зря старался, уйти мне от них не удалось. Спустя два часа с левой стороны, в двухстах метрах, я заметил стоящую без всадника лошадь.

«Засада!» – эта мысль пулей заставила слететь с седла, заодно прихватив из кожаного чехла винчестер. Лежа на земле и высматривая потенциального противника, я одновременно пытался проанализировать ситуацию.

«Местная уловка? Оставил лошадь, как приманку, а сам затаился и ждет, пока кто-нибудь клюнет на нее. Вообще-то глупо. Спит? Ты же заснул, причем сидя на лошади, а ему что нельзя? М-м-м... Хотя, может, там лежит раненый или убитый? В таком случае забрали бы его лошадь. Хм. Хрен поймет этих аборигенов! Что теперь делать? Подобраться к нему или на коня и вскачь? Тьфу!» – Я злился на себя и ничего не мог с этим поделать, так как опять сложилась одна из ситуаций, из-за непонимания которых я чувствовал себя словно на другой планете, настолько все было чужим и незнакомым. С другой стороны, не лежать же здесь мне весь день, решил я, да и натура, привыкшая к риску и постоянной готовности к действию, взяла вверх. Мелкими перебеж-

ками, с винчестером наперевес, я быстро пересек открытое пространство, время от времени припадая к траве. Лошадь при виде меня легонько заржала и попыталась отойти, но не смогла, так как ее удерживал повод, зажатый в левой руке лежащего без сознания человека. Быстро осмотрел тело. Итоги были неутешительны. Два ранения в бедро и грудь, к тому же он потерял много крови. Судя по всему, он был ближе к смерти, чем к жизни.

«Хорошо хоть без сознания. Умрет, не мучаясь».

Мои мысли отражали не равнодушие к человеческой жизни, а практичность. Работа приучила меня быть холодным и расчетливым, а в жизни – деловым и практичным. Вот и сейчас перевязка могла помочь этому человеку, как мертвому лекарство. Он был еще жив только потому, что лежал неподвижно. В этой ситуации я ничего не мог для него сделать, кроме как похоронить. Впрочем, даже это было проблематично, так как лопаты у меня с собой не было. Поднявшись с корточек, внимательно осмотрелся, но вокруг, насколько хватало взгляда, никого не было. Тогда я подошел к лошади, собираясь порыться в чужих дорожных сумках, как та, подняв голову, шумно фыркнула.

– Спокойно, лошадка, спокой... – не успел я договорить, как услышал за своей спиной хриплый, полный боли, негромкий голос:

– Ты... Джек... Льюис?

Змея не делает такой быстрый бросок, с какой скоростью я

развернул ствол винчестера на голос. Лицо незнакомца кривилось от страданий, но глаза смотрели ясно, словно боль их не коснулась.

– Подойди... ближе... – Тут боль снова заставила его сгорбиться. Помолчав, он продолжил: – Я умираю?

Подойдя к нему, я еще раз оглядел горизонт, только потом опустил на колени перед раненым.

– Да. Я ничего не могу сделать. Начни я сейчас перевязывать твои раны, то, скорее всего, этим убью тебя. Ты потерял слишком много крови.

Он продолжал смотреть на меня, словно хотел услышать от меня что-то еще. Мне трудно было представить, что может ждать человек в подобной ситуации. Помощи? Молитву? Хотя по его жесткому лицу, пристальному взгляду и мощному телосложению не скажешь, что такой человек может просить и унижаться перед кем-то, все же я решил прояснить этот вопрос, хотя бы для себя.

– Если тебе так будет легче, я могу перевязать тебя.

– Не... надо. Воды.

Снял с его лошади флягу и напоил раненого.

– Лучше... стало...

С минуту мы смотрели друг на друга.

– Ты... здесь... зачем?

– Ехал мимо. Ты откуда меня знаешь?

– Я... Барни... Фергюссон. Агентство... Пинкертона.

Теперь было понятно, откуда он меня знает. Такие, как он,

должны были все знать о наиболее «популярных» бандитах. Это их работа. Особенно, если он работает здесь, на Западе.

«Кстати, зачем он здесь? На кого охотится? Может, на меня?»

– Слышал о таком. Так что тебя привело в эти края?

В его взгляде явственно проступило удивление. Видно, я должен был отреагировать на него как-то иначе. Черт! Я же разыскиваемый властями преступник! Мне положено, услышав подобные слова, хищно оскалиться и, достав нож, начать пробовать его остроту пальцем, перед тем как начать нарезать на лоскуты представителя закона.

«Черт! Все время забываю об этом бандите Льюисе!»

– Ты... точно... Льюис?

Этот вопрос неожиданно навел меня на оригинальную идею. В какой-то мере, она могла скрасить последние минуты жизни этому человеку.

– Слушай, Барни. Ты все равно умираешь, поэтому тебе могу признаться. Я не тот Джек Льюис, о котором ты слышал. Мой дух, душа или сознание, назови, как хочешь, переместился из будущего на сто сорок лет назад, оказавшись в теле бандита Льюиса. Звучит, как бред, но это правда.

В глазах агента зажглись искорки интереса. Даже лицо перестало выглядеть восковой маской.

– Значит, душа бессмертна? – его голос дрожал, но фраза прозвучала ровно и четко, словно жизнь нашла в нем новый источник силы.

– Честно говоря, не знаю. Но то, что произошло со мной – свершившийся факт.

– У тебя странный акцент... И говоришь ты... как учитель. Может, в твоих словах... А-а-а!

Стон прервал его слова. Grimаса боли стянула лицо. Мне показалось, что он уже отходит, но агент оказался крепче, чем я думал. Чувство долга этого человека оказалось таким сильным, что сумело в последний момент вырвать его душу из лап смерти.

– Я... приехал сюда... за мальчиком. Отыщи его.

Я несколько опешил от такого необычного заявления, но смолчал. Пусть надеется, если ему так нравится. Тут бы самому ноги унести, а он мне предлагает заняться поисками какого-то мальчишки.

– Выполнишь... получишь деньги... в Нью-Йорке. Кармашек... в моем поясе. Тайник... в седле. Дневник... Там все.

Его голос слабел с каждой секундой. Черты лица, и без того худого, окончательно заострились.

– Кто в тебя стрелял, Барни?

– Грогги... Мексиканец. За голову... награда. Хотел зара... ботать. Их там... осталось... трое. Я убил...

Он с трудом выговаривал слова, гаснущее сознание заставляло его делать перерывы, съедать окончания слов, как вдруг его губы замерли на полуслове. Глаза слепо уставились в бездонную синь небес.

– Покойся с миром, Барни Фергюссон.

Я встал с колен. Минуту молчал, отдавая дань усопшему. Затем посмотрел в ту сторону, где слышал выстрелы и где, по словам Фергюссона, должны находиться бандиты.

«Мне нужны деньги? Мне нужны деньги! Особенно, когда в наличии только двадцать баксов, которые мне подкинули братки-бандиты в одну из сумок. На бедность, что ли, дали? Мне ведь нужно билет на паровоз купить, одеться как человеку, да и в дороге надо чем-то питаться. Требовать премию за голову «Мексиканца» у властей чревато неприятностями, когда ты сам в розыске. Так как быть с деньгами? Дилемма: или банк грабить, или с бандитами разбираться. Но банк еще найти надо, а бандиты рядом, поблизости. Правда, сразу напрашивается вопрос: стоят ли они подобного риска? С другой стороны, раз за голову главаря назначена награда, по мелочам ребята не работали. Отсюда вывод: денежка у них есть!»

Глава 4

Глаза Сиды полыхнули волчьей злобой, но в глубине его сердца сидел страх. Он должен, должен убить этого грязного койота, убить сейчас! Рука рванулась к револьверу, и в этот же миг Сид увидел огненный цветок, расцветший на стволе винчестера. Что-то тяжелое ударило его в грудь, и тело моментально онемело до самых кончиков пальцев на ногах. С тупым упорством Сид начал поднимать ставший в одно мгновение таким тяжелым и неподъемным револьвер, глядя вверх его ствола. Он сумеет справиться, он сильный! Сейчас эта крыса кладбищенская свое получит! Палец нажал на спусковой крючок. Тяжелый револьвер в руке Сиды дернулся, и он увидел пламя на конце ствола, а уже в следующую секунду улица неожиданно покачнулась, и окружающий мир вдруг стал расплываться перед его глазами, теряя привычные четкие очертания. Он даже не заметил, как оказался на коленях. Странно. Большие красные капли в серой пыли... Кровь. Моя... кровь?

* * *

Убежищем бандитов был город-призрак. Таких городков немало оставалось после очередной волны иммигрантов, прибывающих на Запад в поисках лучшей доли. Они осно-

вывали городки, начинали жить, затем бросали, заслышав о золотоносных жилах, где самородки лежат прямо на земле, о тысячных стадах ничейных коров, бродящих по зеленым лугам. Почему именно это место привлекло внимание переселенцев, мне не удалось понять, да я и не сильно хотел это знать. Но в любом случае какой-то существенный фактор, заставивший людей основать на этом месте поселение, мне в глаза не бросился. Ничего похожего на рудник. Земля также казалась нетронутой. Полуразрушенные стены домов из самана, провалившиеся крыши, глядевшие черными дырами окна – все говорило о том, что городок был на пути к полному исчезновению.

Я въехал в город-призрак открыто, не таясь, ведя за собой в поводу лошадь с перекинутым поперек седла трупом Фергюссона. Не зная ни планировки городка, ни точного количества бандитов и места их базирования, я решил действовать открыто. Исходил из того, что мое открытое появление с трупом законника удержит их пальцы от спусковых крючков на какое-то время, а если дело дойдет до переговоров, то мне будет что им предъявить в качестве доказательств, что я свой. А там... как говорится, «ничего личного».

– Эй, ты! Стоять! – голос раздался из пустоты одного из развалившихся домов. – Ты кто?!

– Не узнаешь?! – Я кивком головы указал на свисавший с лошади труп. – Мне пришлось за вас работу доделать!

Из пролома стены ближайшего дома осторожно показав-

лась фигура бандита, державшего в руках винчестер. Некоторое время он вглядывался в труп, затем потребовал:

– Скинь его!

Я подтянул вторую лошадь за повод, после чего сдернул тело на землю. Труп тяжело, с глухим стуком упал на землю. Бандит, крадучись, не спуская с меня глаз и ствола винчестера, подобрался к трупу, затем неожиданно закричал:

– Сид! Возьми его на мушку!

– Взял, Берт!

Я осторожно повел глазами в сторону голоса. самого бандита я не увидел, зато увидел, как из темного проема окна высунулись стволы дробовика. Берт еще секунду буравил меня злым взглядом, затем нагнулся над трупом. С минуту рассматривал, потом пробормотал, словно бы про себя:

– Вроде он.

Но в его голосе слышалось сомнение. Медленно распрямившись, повернулся ко мне:

– Ты кто?

– Джек Льюис!

– Льюис?! Тот самый?! «Белый Орел»?!

– Где Мексиканец?!

– Ты откуда знаешь, что здесь Мексиканец?! – подозрительность бандита снова подпрыгнула до небес, а ствол винчестера на уровень моей груди.

– От него, придурок! – я кивнул головой в сторону трупа.

Грязный, с длинными волосами, висящими сальными со-

сульками из-под помятой шляпы, Берт выглядел нищим бродягой, если бы не оружие и злой, подозрительный взгляд, выдававший в нем бандита.

– Чего тебе надо от Грогги?!

– Это я ему скажу!

Бандит замялся, не зная, как ему поступить. С минуту стоял в раздумье, потом крикнул:

– Сид!

– Здесь я, Берт! – отозвался невидимый Сид.

– Я отойду, а ты последи за ним!

– Одно лишнее движение, и он труп! – заверил своего приятеля невидимый мне бандит.

Развернувшись, Берт двинулся к развалинам, в которых до этого прятался. Осторожно, стараясь не раздражать Сид, я стал осматриваться, пытаюсь определить, есть ли в засаде кто-нибудь, кроме этого бандита, но больше обнаружить никого и не смог. Не прошло и пяти минут, как появился Берт.

– Слезай с лошади!

Как только я оказался на земле, последовала следующая команда:

– Скинь оружейный пояс!

Я выполнил его приказание четко и без колебаний.

– Повернись спиной! Вроде ничего нет... Теперь пошли! Сид, смотри здесь в оба!

– Смотрю! – раздалось из темноты проема.

Бандитское логово оказалось недалеко. Из всех развалин

этот дом, по крайней мере, имел четыре целые стены и большую часть крыши. Первое, что я увидел, переступив через порог, так это лежащего на топчане человека, который лежал на груди одеял, наброшенных на доски, голый по пояс. Торс бандита был неумело забинтован порванными на ленты рубашками. На его левом боку расплзлось красное пятно. Из одежды на нем были сейчас только кожаные штаны. Сапоги валялись на земляном полу, рядом с курткой и рубашкой, а на самом верху груди лежало красивое, изукрашенное серебряными галунами, сомбреро. В правой руке он держал большой и громоздкий револьвер, который для удобства положил на ногу. Пока его глаза бесцеремонно ощупывали меня всего, каждую мою складку одежды, я сам с не меньшим любопытством рассматривал бандитского главаря, за чью голову власти были готовы платить деньги. Черные, глубоко посаженные, глаза, на щеках и подбородке жесткая, недельной давности, щетина, кожа грязная, нездорового оттенка, но что особенно отвратительной делало его физиономию, так это его улыбка. Словно приклеенная, не имеющая ничего общего с настоящим весельем, она выставляла напоказ его редкие желтые зубы, придавая ему тем самым сходство с оскалившейся собакой-бродяжкой.

– Ты Льюис? – его голос был низким, хриплым и злым.

– Что, не похож? – я ответил ему нарочито нагло, но в то же время спокойно, стараясь не спровоцировать бандита на конфликт раньше времени.

– Чем докажешь? – с нескрываемым подозрением продолжил бандит свой допрос.

– Татуировки хватит?

– Показывай!

Скинув куртку, я расстегнул ворот рубашки, после чего обнажил плечо. При моих движениях Мексиканец напрягся. Рука с револьвером чуть приподнялась.

– Нравится?

– Подойди поближе. Хотя нет. Стой на месте. Берт, глянь, что у него там.

Я даже не рассчитывал на такую удачу. Бандиты оказались еще более тупыми, чем я их себе представлял. Стоя за моей спиной, он не отставил винтовку в сторону и не взялся за револьвер, что дало бы ему возможность продолжать держать меня на прицеле. Нет же, он стал обходить меня с винтовкой в руках. Как только он приблизился, чтобы рассмотреть рисунок, я чуть развернулся, заставив бандита встать вполоборота к лежащему на топчане главарю, закрыв тому часть радиуса обстрела.

– Ты чего? – настороженно спросил Мексиканец при моем маневре.

– Плечо под свет подставляю. Чтобы было лучше видно.

Свет, в действительности, упал из одной из многочисленных дыр в крыше на плечо, высветив татуировку.

– Ну что там? – недовольно спросил главарь смотревшего на мое плечо бандита.

– Орел! – оттаптал тот.

– Идиот! Ты мне скажи, он у него как на рисунке или нет?!

Теперь я вспомнил, что розыскные листы, присылаемые шерифам, помимо описания самого бандита иногда были снабжены его особыми приметами, о которых знали власти.

– Да я только раз видел его на той розыскной бумаге! Да и то пьяный! – Берт зло сверкнул глазами в сторону главаря. – Но это орел! А тот или не тот... Сам смотри!!

Лучшего момента и придумать было нельзя. Если до этого бандиты настороженно косились в мою сторону, не забывая держать руки вблизи оружия, то в эту секунду они просто забыли обо мне, бросая друг на друга злобные взгляды. Меня в свое время долго и жестко учили, как использовать подобные промахи противника. Рванув оружие на себя, я вывел бандита из равновесия, затем толкнул его на главаря. Краем глаза успел заметить, как ствол револьвера Мексиканца дернулся в мою сторону. Грохот выстрела сильно ударил по ушам. Берт, получив пулю в спину, дико заорал от боли, перед тем как рухнуть на своего главаря. Выдернув из-за голенища нож, я метнулся к главарю, пытавшемуся стряхнуть с себя стонущего бандита, чтобы высвободить руку с револьвером. Тонкое и длинное лезвие ножа, пробив горло сначала Мексиканца, а затем Берта, оборвало их ничемные жизни.

Нож, которым воспользовался, я нашел в дорожных сумках агента. Он представлял собой своего рода стилет. Позже я узнал, что в народе его называют «арканзасской зубочист-

кой». У меня был расчет без шума разобраться с главарем, но теперь надо было ждать появления остальных членов банды. В том, что те сбегутся на выстрел, сомнений не было, так как были почти зверями, живущими инстинктами, основанными на страхе, злобе и боли. Схватив винчестер Берта, я метнулся к окну. Осторожно выглянул, прислушался. Никого. Быстро перелез через проем и, обойдя дом, затаился за углом у его дальней стены. Через несколько минут послышались тихие шаги и хриплое, тяжелое дыхание бандита, затем ухо уловило два еле слышных щелчка.

«Взвел курки дробовика. Сид. Один. Идиот!»

Последнее слово относилось к действиям бандита, открыто ворвавшегося в дом. Мне даже не нужно было смотреть: я и так знал, что он делает, как и то, что будет делать дальше.

«Сейчас выскочит обратно, в поисках врага. Не найдя никого, прихватит общественную кассу и ударится в бегство».

Как и предполагал, бандит выскочил наружу, пробежал немного вперед, как вдруг неожиданно резко остановился. Я уже было выглянул из-за угла, чтобы проследить за тем, куда он пойдет, но в следующую секунду пришлось спрятать голову обратно. Снова пришлось полагаться на слух. Никаких сомнений не было – он возвращался обратно. Вот остановился рядом с дверью и сейчас, скорее всего, оглядывается по сторонам.

«Похоже, кроме Сиды никого не осталось, а бандитская касса в доме главара, раз он тут крутится. Начнем, помо-

лась!»

Подобрав камешек, бросил его так, чтобы бандит, повернувшись на звук, оказался ко мне спиной. Гром двойного выстрела разорвал тишину.

«Нервы у парня ни к черту!»

Выскочив из-за угла, взял на прицел бандита.

– Сид, ты не меня ищешь? Я здесь.

Бандит, начавший перезаряжать дробовик, услышав мой голос, замер на какую-то долю секунды, затем стремительно начал действовать, демонстрируя завидную реакцию. Не успел дробовик упасть на землю, как бандит уже разворачивался ко мне, одновременно выхватывая из кобуры револьвер. Я не стал ждать, пока он его достанет, сделав упреждающий выстрел. Так как должной подготовки в обращении с подобным оружием у меня не было, да и Сид находился в движении: только поэтому, целясь в плечо, я попал ему в живот. Получив пулю, бандит все же сумел достать револьвер и выстрелить в мою сторону, только после этого рухнул на колени. Подскочив к нему, ударом ноги выбил из руки револьвер. Превозмогая боль, бандит поднял голову. Я удивился тому, что прочитал в его глазах. В них не было ни мольбы, ни страха, только дикая звериная злоба.

– Где деньги?

Бандит криво усмехнулся.

– Кажется, я задал тебе вопрос, Сид?

– Шакал вонючий! Убивай – не скажу!

– Не хочешь говорить, тогда кричи!

Каблук с силой опустил на ладонь его правой руки, которой он опирался на землю. Тело бандита скрутила судорога боли, закончившаяся диким воплем. Чуть ослабив нажим, я спросил еще раз:

– Где?

Ответом мне был только хриплый стон, прорывающийся сквозь стиснутые зубы.

– Последний. Раз. Спрашиваю!

Каблук с силой впился в человеческую плоть, в ответ раздался вопль такой силы, что у меня аж зазвенело в ушах.

– Ска-ажу-у!! У-у-у!!

– Слушаю. Внимательно!

– В этом доме! А-а-а!! Ногу убери!

– Ну?!

– Закопаны в углу! Под горшками! А-а-у-у!!

В тайнике оказались две жестяные коробки из-под сигар. В одной лежало около полутора тысяч долларов в серебре и билетах американского казначейства, вторая – на две трети была заполнена кольцами, женскими украшениями, часами, величиной и обликом напоминающими луковицы. Перебрав все, я взял себе только серебряные часы-луковицу. Выгреб деньги из коробки, забрал лопату, которую до этого нашел в доме главаря, и вышел на улицу. Бандит надрывно стонал, лежа в луже крови. Подошел к нему. Как только моя тень упала на Сиду, тот медленно, словно нехотя, поднял голову.

Выражение его глаз не изменилось. Злоба и вызов.

– Ты прямо как зверь, Сид!

После моих слов на его губах появилось подобие улыбки, словно я его похвалил:

– Убей. Не хочу... долго умирать.

Я выстрелил ему в голову. Пуля, выбив фонтан из костей и крови, распластала по земле мгновенно обмякшее тело.

Перед тем, как закопать тело агента, я тщательно прошупал каждый шов в его одежде, но не нашел ничего достойного внимания, за исключением пятидесяти долларов. Последним был исследован пояс. Действительно, с его внутренней стороны оказался тайный карманчик, в котором лежал документ, удостоверяющий, что Барни Ферргюсон является сотрудником агентства Пинкертон. Далее шли его полномочия, а в конце были указаны его физические данные. Рост. Цвет волос и глаз. Особые приметы. Завершали документ заковыристая подпись и громадная фиолетовая печать. Пару минут раздумывал, что делать с бумагой, но потом решил ее уничтожить. Опасная улика для такого преступника, чью шкуру я сейчас ношу. Разорвав документ на мелкие кусочки, я развеял их по ветру, после чего приступил к исследованию вещей и седла.

В сумке, на самом дне, я нашел две вещи, тщательно завернутые в чистые тряпки. Шкатулка и лежащий внутри нее медальон в форме сердечка. Открыв его, я увидел слегка вы-

цветшую фотографию маленького мальчика лет восьми. Минуту вглядывался в нее, потом попробовал достать ее оттуда, в поисках надписи на обратной стороне, но та оказалась намертво приклеенной. Защелкнув, положил обратно в шкапу. Ее я осмотрел еще раньше. Черная, лакированная коробочка, инкрустированная серебром и выложенная изнутри синим бархатом. На крышке вензель из двух переплетенных букв «С» и «М». В ней, скорее всего, владелица хранила свои драгоценности. Отложив их в сторону, приступил к поиску тайника в седле. В нем я обнаружил несколько сложенных бумаг. Первые три бумаги относились к делу, ради которого сыщик прибыл в эти края. Копия церковной записи о замужестве Салли Брайен со Стивом Морисом. Затем шла копия церковной записи о рождении их сына Тимоти Мориса. Третья бумага являлась вырезкой из газеты, где говорилось о налете на почтовый дилижанс, где был убит охранник и тяжело ранен кучер. Фамилия убитого была Морис, а звали его Стив. Последним я просмотрел рабочий дневник агента, представлявший собой десять половинок обычного листа бумаги, прошитых крепкой ниткой. Три четверти из них были испещрены записями. По большому счету это был отчет о проделанной работе, где перечислялись фамилии, города, короткие пометки о собранной информации и денежные затраты.

«Судя по отчету, сначала он искал женщину с ребенком, перебирая городки, в которых они жили, один за другим.

Шел по их следу через два штата. Стоп! Мне он сказал, что ищет мальчика. Означает ли это, что мать умерла? Или он собрался забрать его у нее?

Впрочем, это меня не касается. Последняя запись: название городка, а напротив него имя мальчика. Значит, мальчишка там? Ехал в... как его... Луссвиль, но не доехал. По пути наткнулся на Мексиканца и решил срубить немного денег. Как итог: жадность фраера сгубила. Городок искать не буду, если только по пути случайно на него не наткнуся. Так, пройдемся еще раз глазами, для памяти. Мальчишку зовут Тим Морис. Ему сейчас двенадцать-тринадцать лет. Луссвиль. Так, с кого требовать деньги за парнишку? Кто у нас заказчик?»

Снова внимательно перебрал бумаги, пытаюсь найти какие-либо намеки, но ничего не было. Почти ничего. Исключение составляла пометка в самом начале дневника – отчета агента. «Адвокатская контора Торнтона». Рядом с ней стояла запись: оригинал. Если я правильно расшифровал, то адвокатская контора должна была получить оригиналы всех документов, которые удастся достать агенту по этому делу.

«Значит, Торнтон. Он – заказчик. Зато вот вопрос «зачем?» остается открытым. Может, его ищут родственники? Да и какая, к черту, мне разница? Деньги у меня есть. Остается только сесть на поезд, идущий на восток, и навсегда забыть об имени Джек Льюис. Если получится, то прихвачу с собой мальчишку. Деньги, они ведь лишними не бывают!»

Встав, потряхнул штаны, потянулся и отправился прочесывать развалины в поисках еды и воды. Мне хватило десяти минут, чтобы обнаружить полуразрушенный дом, разделенный на две части перегородкой, грубо сложенной из обломков стен близлежащих домов. Одна его часть была отведена под конюшню, вторая, которая имела крышу, под склад и кухню. Первым делом я отвязал коней и выгнал их наружу, а затем приступил к ревизии бандитского склада. Среди мешков и ящиков мне удалось обнаружить шесть дорожных сумок, принадлежавших членам банды, которые тут же принялся потрошить. Через некоторое время передо мной выросла куча вещей. Здесь была новая и старая одежда и обувь, как мужская, так и женская, часы различной формы и размеров, серебряные ложки и вилки, коробки с сигарами и пачки табака, две захватанные книжки с картинками и еще много всякого хлама, место которому было в лавке старьевщика. Я уже начал считать, что зря потратил время, когда на дне одного из мешков нашел шесть толстых золотых цепочек от часов. Закончив, я взял лопату и выкопал могилу Фергюссону, а затем установил на ней подобие креста с его именем. Уставший до предела, я неспешно занялся приготовлением ужина. Дал себе пару часов на отдых, после чего занялся освоением и пристрелкой оружия. До глубокого вечера, не жалея патронов, упражнялся в стрельбе. Мои навыки и сноровка росли с каждой минутой. Расстреляв большую часть бандитского запаса, решил, что, случись мне снова выйти на

поединок с Сидом, пуля на этот раз легла бы туда, куда я хотел. Закончил чистить оружие уже в сумерках. Теперь мне надо было решать: остаться или уехать. Осторожность победила. Уложив в сумки все то, что посчитал нужным забрать, я тронулся в путь.

Я ехал, глядя перед собой, при этом чувствуя на себе любопытные взгляды горожан. Это был второй городок, который мне довелось увидеть, но и этого хватило, чтобы понять: все они здесь, как братья-близнецы, такие же пропыленные, прокаленные солнцем, с одной-единственной центральной улицей. На противоположных концах улицы лепились убогие домишки из саманного кирпича. Центр города представляла пара салунов вместе с отелем, бордель, контора шерифа, несколько магазинов и церковь. Даже не церковь, а церквушка, на которой не было даже колокола.

«Паршивая деревня. Убогая и пыльная».

Мое раздражение было вызвано не усталостью или напряженностью, хотя они также присутствовали, но при этом не являлись главной причиной. Просто, стоило мне увидеть вдали очертания городка, как страшно начало чесаться все тело, от головы до пяток. Шли пятые сутки в седле. Потный, грязный, с щетиной недельной давности, я мало чем отличался от Мексиканца, когда тот еще был жив. К тому же я выдохся. Мои не полностью зажившие раны, предельные физические нагрузки и постоянная напряженность привели

меня в разбитое состояние, и чтобы восстановить силы, мне были нужны как минимум сутки полноценного отдыха. Конечно, можно было разбить стоянку в прерии, но отдых на жесткой земле и вяленое мясо, которое мне уже до смерти надоело, были не так привлекательны, как сон в мягкой постели после сытного, горячего ужина. Здесь, правда, риска было больше, но не намного, если хорошо подумать. Шансы, что меня здесь узнают как Джека Льюиса были пятьдесят на пятьдесят, и все же я решил рискнуть.

«Без основательной передышки я просто долго не протяну... – тут мои мысли засбоили при виде пышных прелестей проходящей через улицу женщины. – Черт возьми! Какая... Решено. Ванна. Горячая еда и нормальная постель. Где, что и почему – узнаю в салуне. Как сказал Лоутон: «Если что надо – иди в салун»».

Правда, все оказалось не так уж просто. Первую тревогу в моей душе подняли три молодых ковбоя, стоявших под навесом, рядом с коновязью. До этого они наблюдали за движениями пышных бедер, ходящих под узкой юбкой именно той самой женщины, которая привлекла мое внимание, а сейчас уставились на меня.

«С чего бы это? – сразу насторожился я. – Узнали?»

Сделав вид, словно интересуюсь вывесками, бросил несколько взглядов по сторонам и тут же все понял. Женщина, на которую глазели эти оболтусы, остановившись на пороге магазина, в этот самый момент откровенно и в какой-то

мере нагло рассматривала меня. Эта женщина знала себе цену. Ее открытая блузка просто манила обнаженными плечами и скрывающейся под ней высокой грудью. Она относилась к тому типу женщин-самок, которых сразу хотелось завалить в кровать. Зная об этом, она сейчас этим откровенно пользовалась, заставив меня на какое-то время забыть обо всем. Во мне просто росло неумное желание впиться губами в ее влажные, полные губы, ощутить под руками крутые бедра...

«Провались ты!..»

Усилием воли отогнав несвоевременные мысли, я повернул лошадь к салуну, снова мазнув взглядом по стоявшей тесной группкой троице. Их взгляды не предвещали ничего хорошего, настолько они были напряженные и злые. Быстро отведя взгляд, чтобы не раздражать их, я соскочил с лошади, передав поводья подскочившему ко мне вихрастому мальчишке, и сразу стал подниматься по ступеням.

– Доллар в день, сэр! – крикнул паренек мне уже в спину. Не оборачиваясь, согласно кивнул ему головой, одновременно толкая двухстворчатую дверь салуна. Моим глазам предстала длинная полированная стойка, за которой стоял бармен. За его спиной находился зеркальный буфет с полками, уставленными в несколько рядов бутылками. Пол был посыпан стружкой. В зале стояло полтора десятка столов со стульями. У дальней глухой стены был сколочен помост, на котором стояло обшарпанное пианино и табурет, на котором

сейчас восседал маленький всклокоченный человечек, в данный момент разминавший пальцы. Над инструментом на стене висела доска с грубо намалеванными буквами: «Не стреляйте в пианиста. Он играет, как умеет». На крышке пианино стояло два подсвечника и бутылка виски с нехитрой закуской. С потолка на грубой цепи свисало подобие люстры с двумя десятками свечей. Сначала у меня мелькнула мысль о тележном колесе, но приглядевшись, понял, что это не так: «произведение искусства» явно была выковано местным кузнецом, судя по ее «изящной» отделке. Пробежав взглядом по салуну, я перешел к его посетителям. Группа покрытых пылью ковбоев, громко и возбужденно беседовавших до моего прихода, чему явно способствовали две бутылки виски, стоявшие перед ними на столе, сейчас замолкли и разглядывали меня, одновременно пытаюсь понять, что собой представляет этот чужак. Благодаря встрече с ковбоями-перегонщиками, я уже мог отличать их по виду от остальных профессий этого века. Четыре картежника, занявшие столик у окна, меня также не заинтересовали, хотя бы потому, что имели большие животы и не имели на груди шерифских звезд, зато три человека, стоящих у стойки, наоборот, привлекли мое особенное внимание. Рядом с двумя мужчинами, с обветренными и опаленными солнцем лицами, стояли винтовки, прислоненные к стойке, а у молодого человека с простецким лицом, разговаривающего с барменом, висела звезда шерифа. Или помощника шерифа. При виде звезды я

сразу подобрался, сжавшись, как стальная пружина, в ожидании реакции законника. Мужчины у стойки, бросив на меня по паре любопытных взглядов, вернулись к прерванному разговору, за столом ковбоев вновь возобновился громкий разговор о коровах и ценах на скот, а картежники снова зашлепали карты. Только шериф и бармен продолжали смотреть на меня, но в их взглядах не было даже намека на тревогу и настороженность.

«Не узнал. Или притворяется? Нет. Не узнал».

Я подошел к стойке. Бармен был плотный, крепкого сложения мужчина, с огромным «пивным» брюхом, что, впрочем, не мешало ему шустро перемещаться за стойкой.

– Что будем пить, приятель? Есть хорошее пиво и виски.

– Пива, – секунду я размышлял. – И то, что ты называешь виски. Стаканчик на пробу.

– Не сомневайся. Это то, что надо путнику, – осклабился толстяк за стойкой. – Отлично прочищает кишки после дорожной пыли.

Я кивнул, добавив:

– И чего-нибудь горячего.

Оглянувшись, словно в поисках свободного столика, еще раз obeжал глазами зал. Нет, особого интереса ко мне никто не проявил. Успокоившись, сел за ближайший свободный стол, спиной к стене. Теперь я мог наблюдать как за шерифом, так и за входом. Винчестер также не поставил рядом, а положил на стол. Бармен, выйдя из-за стойки, поставив пе-

редо мной кружку пива и глубокую миску густого варева, от которого шел пар, стал с интересом разглядывать меня.

– За виски сам подойдешь. Первый стаканчик за счет заведения. Скупаешь скот?

В это время я с жадностью поглощал пиво, тем самым проигнорировав вопрос. Но толстяк никак не хотел отстать от меня:

– Цены на коров растут.

– В самом деле? – равнодушно спросил я, оторвавшись от пива.

– Точно растут. На этом можно заработать большие деньги, – продолжал говорить бармен, пытаясь вызвать меня на разговор.

Я поставил кружку на грубый стол:

– Хорошо прополоскал горло.

– У тебя странный акцент. Ты откуда?

Меня это липкое любопытство постепенно начало доставать:

– Еврей я. Не видишь, что ли? Ищу место для постройки синагоги.

– Ты еврей?! Синагога?!

Это было сказано достаточно громко и с таким удивлением, что лица всех присутствующих снова повернулись ко мне. Я понял, что шутка не удалась, а вернее, ее просто не поняли.

«Черт с вами, раз шуток не понимаете!»

Не успел я так подумать, как входные двери на петлях качнулись несколько раз, пропуская в помещение трех молодых ковбоев, которые так недружелюбно смотрели на меня.

Они вошли, держась неестественно спокойно.

— Я буду за стойкой... если что-то надо будет, — и бармена как ветром сдуло.

Гул в зале притих, люди стали говорить вполголоса. Нетрудно было догадаться, что никто из посетителей не хотел привлекать излишнего внимания этих парней. Не глядя по сторонам, те прошли мимо моего стола к стойке.

— Пива! — скомандовал один из них, потом все трое, как по команде, развернулись в мою сторону. — Слушай, Хэч!

— Чего, Билли? — откликнулся бармен.

— Чего у тебя дерьмом запахло? Раньше вроде как не во-
няло!

В зале мгновенно воцарилась тишина. Тяжелая, гнетущая тишина. После этих слов двое охотников, это мне стало понятно из их разговора, ни на кого не глядя, забрав свои кружки и винтовки, направились к самому дальнему столику. Помощник шерифа, хоть остался стоять у стойки, но постарался отодвинуться как можно дальше. Послышались звуки отодвигаемых стульев. Картежники, очевидно, решили, что пришло время подышать свежим воздухом. Мне не хотелось никаких проблем, но что делать, когда тебе их навязывают? Мой принцип: разрешать их в короткие сроки и с минимальными потерями. Первым попытку сгладить ситуацию пред-

принял бармен:

– Билли, не задирайся! Парень поест и уедет!

Но тот его словно и не слышал, глядя на меня в упор злыми глазами. Лицо головореза, в одно мгновение потеряв человеческие черты, превратилось в застывшую маску. Его дружки, не предпринимая никаких действий, только настороженно косили на меня глазами, видно, во всем полагаясь на своего главаря.

– И откуда же тынешь? – тут он сделал шаг в мою сторону. Потом второй. – Сейчас определим. Ага, вот откуда.

Его движения были плавными. Он двигался, не расслабляясь и не сводя с меня глаз. Было видно, что ему не в новинку убивать людей.

– Так у нас появился еще один вшивый бродяга с конским навозом на сапогах!

Только сейчас в вязкую тишину врезался голос помощника шерифа:

– Остановись, Билли! Если прольется кровь, ты ответишь по всей строгости закона!

В следующее мгновение один из приятелей бандита, стоявший у стойки, неожиданно выхватил кольт и направил ствол на представителя закона:

– Заткни свою пасть, ты, чучело со звездой.

Билли, тем временем, продолжал наслаждаться ситуацией, чувствуя себя при этом крутым парнем. Еще бы! Мой винчестер лежал на столе. Револьвер в кобуре. Попытайся я

их схватить, как в тот же миг получу пулю в лоб, а его оправдают, согласно местному законодательству, которое гласит: кто первым схватился за оружие, тот и виноват. Сейчас его сдерживало только мое молчание и мое спокойствие, но я понимал, этого хватит ненадолго. Отморозок уже перешел грань и был готов пролить кровь. Он просто жаждал крови. Его рука зависла над рукояткой револьвера.

– Ты что, бродяга, оглох?!

– Да слышу я тебя. Слышу. Не напрягайся.

– Наш город не для дерьма! Ты меня понял?! – он завопил все сильнее, посчитав, что я струсил. – Ты понял меня?! Отвечай, когда тебя спрашивают!

Моя рука по-прежнему была далека от оружия, что грело сознание отморозка возможностью безнаказанно убить человека. Все вокруг замерло. Воздух, люди, весь мир в эту секунду замер, затаив дыхание. Его рука еще ближе подползла к рукоятке револьвера:

– Ты дерьмо! Трусливое дерьмо!

– Пшел отсюда, урод безмозглый! – я выговорил это четко и громко.

Эффект не замедлил себя ждать. После этих слов у него, видно, полетели последние предохранители, отвечающие за самосохранение. Его правая рука рванула костяную рукоятку револьвера, а указательный палец привычно лег на спусковой крючок. Кольт уже выскользнул из кобуры, как грохот от выстрела разорвал тишину. Никто сразу и не понял, по-

чему кольт так и не успел выстрелить, бессильно повиснув вместе с рукой. Бандит покачнулся, затем медленно опустил голову, с недоумением глядя на расплывающееся на его груди пятно крови, и только потом рухнул ничком на посыпанный опилками пол. Посетители все еще продолжали недоуменно таращить глаза на труп, как у меня в руках оказался винчестер. Не успел отгреметь выстрел из небольшого револьвера, до этого лежавшего в моей левой ладони, как я уже снова нажимал на курок. Первым получил две пули в грудь бандит, державший под прицелом помощника шерифа. Его тело еще только начало оседать, как уже последний головорез с ужасом смотрел на ствол моей винтовки, а спустя секунду он завизжал по-заячьи, получив в живот пулю. С тяжелым стуком упала на пол кружка пива, а вслед за ней рухнул на колени бандит. Несколько секунд он смотрел, как льется кровь из-под его рук, зажавших рану, и только потом упал на бок. Ствол моего винчестера был уже направлен в голову стонущего бандита, как бармен вдруг воскликнул:

– Господи! Не стреляй!

Я словно очнулся. Быстро obeжал взглядом зал, начав с лица потрясенного и испуганного бармена. Не лучше него смотрелся представитель власти, хватая воздух открытым ртом, словно рыба, выброшенная на берег. Остальные посетители салуна, охотники и ковбои, округлив глаза и раскрыв рты, просто смотрели, как смотрят любопытные дети на фокусника, показывающего им свои трюки.

«Похоже, больше проблем не будет», – подумал я и опустил ствол винчестера, после чего обратился к бармену:

– Хэч, как насчет обещанного виски?! И не забудь – первый стаканчик за твой счет!

Бармен вздрогнул, несколько секунд смотрел на меня, словно не веря, что этот человек только что хладнокровно расстрелял трех человек, а теперь просит у него обещанную выпивку, но, вспомнив о своих обязанностях, сказал:

– Нет проблем, парень!

На стойке тут же появилась бутылка и два оловянных стаканчика. Не успев наполнить их, он схватил свой стаканчик и одним махом опрокинул его в рот. Опять налил и снова выпил, но только после третьей дозы его лицо приняло свой естественный цвет. Подойдя к стойке, я взял винчестер в левую руку, затем взял стаканчик, выпил, после чего аккуратно поставил его на стойку. Неторопливо повернул лицо к помощнику шерифа.

– Как ты думаешь, помощник, у меня будут проблемы... из-за стрельбы?

– Э-э... Не знаю. С Билли все ясно. И с Майком Спрэггом. Они были с оружием в руках, но Вильям... Тут ты нарушил закон, стреляя в безоружного человека. Ты должен был...

– В безоружного человека?! – перебил я его. – А что у него было в кобуре? Дамский веер?!

Моя шутка вызвала разрядку среди посетителей салуна, понявших, что я из разряда «хороших» парней. Среди ков-

боев слышались смех и заковыристые шуточки. Насколько я уже знал, эти ребята, как и все ковбои, обладали грубым чувством юмора и страстью к каверзным проделкам. Вот и сейчас, не успели они перевести дух, как сразу начали остеречь:

– Круто завернул про дамский веер! Ха-ха-ха!

– Эй, Барт, забери у Вильяма веер, жену им вооружишь!

– Нет, Барт, ты ей лучше револьвер из дерева сделай! Ты же плотник!

– Ха-ха-ха! Ха-ха-ха!

Помощник буркнул, хмуро глядя на развеселившихся ковбоев:

– Вы на этих болтунов внимания не обращайтесь! Им бы только поржать.

– Бармен, еще стаканчик. А ты, Барт, продолжай.

– Что тут продолжать, – с тоской в голосе ответил помощник шерифа. – Мне тебя задержать нужно, до выяснения всех обстоятельств.

Судя по угнетенному виду Барта, тому явно не хотелось предпринимать какие-либо меры против человека, только что на его глазах выступившего против троих наемных стрелков и оставшегося победителем.

– Давай завтра со всем этим разберемся. Ты не против?

– Нет! Совершенно не против! – помощник явно обрадовался тому, что проблема разрешилась сама собой. – Может, к завтраму и шериф придет, тогда еще проще будет.

– Как понять «проще»? Справиться со мной?

– Нет! Ничего подобного! Просто тогда ему надо будет решать, что с тобой делать.

Не удержавшись, я усмехнулся прямо в лицо мальчишке со звездой шерифа. Тот в ответ на мою усмешку попытался придать себе грозный вид, но вместо этого покраснел и потупил глаза.

«Все что мог, я уже сделал».

Выйдя из салуна, я начал спускаться по лестнице, как неожиданно остановился.

«Куда я прусь на ночь глядя? Ведь даже не спросил, где тут можно переночевать? Чертовы отморозки! Совсем с толку сбили!»

Лиловели сумерки. На подходе была ночь. Дальний конец улицы уже скрылся в полумраке. Фургоны, стоявшие в трех домах от меня, казались белыми расплывчатыми пятнами. Кое-где в окнах уже горели светильники, вырезая из наступающей тьмы светло-желтые квадраты.

«Странное время. Положил троих, а вокруг тишина. Впрочем, если такие мальчишки в помощниках шерифов ходят, тогда, конечно, спокойнее дома сидеть, закрывшись на два засова».

Мимо меня, вниз по ступенькам, грохоча тяжелыми ботинками, промелькнула фигурка мальчишки, чтобы сразу растаять в темноте. Нетрудно было догадаться, куда торопится паренек. Оповестить гробовщика и священника. Может,

еще мэра... или местный отряд самообороны?

«Что-то я расслабился, стою здесь, как...» — и в подтверждение моих мыслей вдруг раздался легкий скрип петель за спиной, заставивший меня резко развернуться, держа наготове винчестер. В полосе света, у самых дверей, стоял помощник шерифа, при этом он старательно держал правую руку на виду, как можно дальше от кобуры.

«Интересно, этот мальчишка хоть раз стрелял из своего револьвера?»

— Я отправил мальчишку за врачом.

— Ему больно?

— Наверное... Да, конечно.

Его взгляд стал недоверчиво-недоуменным. Его можно было понять. Не в правилах Дикого Запада, чтобы стрелок проявлял сочувствие к тому, кого подстрелил.

— Может, добить его, чтобы не мучился?

— Нет. Нет! Ты...

— Успокойся! Это шутки у меня такие.

По его лицу было видно, что он уже не рад, затеяв этот разговор, к тому же я видел, что помощник нервничает даже больше, чем прежде. За столь малое время он уже два раза оглянулся в сторону гула голосов, несущихся из залитого огнем свечей салуна.

«В чем дело? Что он хочет от меня?»

— Эти парни не местные?

— Они с ранчо «Три семерки». Там половина таких... от-

петых. Хозяин ранчо, Билл Скофилд, никак не может поделить землю вокруг родника «Солнечный луч» со Скотти Пертом... – помолчав, продолжил: – Вот оба и набирают... стрелков. Похоже, скоро у нас война начнется. Ты не... к Перту едешь?

В его голосе был страх. Он боялся меня, боялся готовой вот-вот разразиться войны скотоводов, но больше всего боялся ответственности. Ведь если я наемник Перта, то можно сказать, что война уже началась на его территории, в тот момент, когда он являлся Законом в городе, и теперь он боялся, что именно на него возложат вину за все произошедшее.

– Я у вас проездом.

Лицо молодого парня прямо просветлело от моих слов. Облегченно вздохнув, он заговорил более живым голосом:

– Послушай, я не знаю, кто ты, и, если честно сказать, то и знать не хочу. Если ты здесь проездом, то когда собираешься уезжать?

– Этот городок как называется? – ответил я вопросом на вопрос.

– Луссвиль.

– Ты мальчишку Тима Мориса, знаешь?

Вопрос застал помощника врасплох:

– Тима... Сироту? На конюшне должен быть. А что?

– Его родственники, со стороны отца, попросили отыскать мальчика и привезти к ним. Поэтому я здесь.

– Ух, ты! Здорово! – помощник шерифа сейчас еще боль-

ше стал мне напоминать обычного мальчишку. – Берите парнишку и уезжайте. Лучше сегодня.

– К чему такая спешка, Барт? Ведь я еще и с мальчиком не говорил. Да и собрать его в дорогу надо.

– Скофилд схватится своих людей завтра утром, после чего нагрянет сюда. Если они вас здесь застанут... будет беда. Война придет в наш тихий город. Никто этого не хочет. В первую очередь – я. Если ты уедешь, Скофилд ничего не сможет предъявить городу. Ты приехал и уехал. А куда? Ищи ветра в поле!

– Если ты так трясешься за свою шкуру, зачем взялся за эту должность?

– Ты же видел наш городок. Он небольшой. Плотник нужен только время от времени, а помощник шерифа – должность постоянная. Город платит. А у меня семья. Жена и маленький сын.

«Пристрелят тебя, молодого и зеленого! Тогда что делать твоей жене? Впрочем, это не моя печаль».

– ...мальчишка поедет. Здесь у него ничего и никого нет. Мать померла полтора года назад. С тех пор он так и болтается от семьи к семье. Кто покормит, кто старую рубаху отдаст. Летом на конюшне конюху помогает. Перегон скота, знаете ли. Ковбои, торговцы, а за ними шулера и всякий прочий сброд тянется. Работы на конюшне хватает. Так что, договорились?

– В общем, да. Если с парнишкой все решится, то мы пря-

мо с утра с ним уедем.

– Значит, договорились! – помощник, довольный перего-
ворами, которые, похоже, уже успел поставить себе в заслу-
гу, резко развернулся на каблуках и уже взялся за створку
двери, чтобы войти в салун, как я его окликнул:

– Эй! Где тут можно переночевать?

Тот на секунду замер:

– За конюшней, следующий дом. Хозяйка – Мари Бапьер.
У нее вроде отеля. Тим покажет.

Глава 5

Приглушенный вскрик достиг ушей юного Тима, сидевшего в маленькой задней комнате, примыкающей к конюшне. Несмотря на свои двенадцать лет, он знал о делах взрослых лишь не намного меньше, чем они знали о себе. Слишком маленький был этот городишко. Слишком много здесь делалось напоказ, с пьяного куража или дикой злобы, туманившей мозг, не хуже дрянного виски.

Осторожно подойдя к пустому стойлу, он увидел светло-волосую женщину, с высоко поднятой юбкой и широко раздвинутыми ногами. Эта была Долли Памперос, местная красавица. Мужчина, лежавший на ней, ритмично двигался. Вот Долли застонала, затем вскрикнула, напряглась и тут же обмякла. Мужчина поднялся и стал невозмутимо приводить в порядок свою одежду. Тим стоял в глубокой тени. Непонятно откуда, но он знал, что его присутствие не осталось незамеченным для чужака, приехавшего чуть больше часа назад. Ноги словно приросли к земле. Не зная, что делать, Тим просто стоял и ждал. Мужчина, больше не обращая внимания на распростертую на соломе женщину, застегнув оружейный пояс, поднял с соломы винчестер.

Не дойдя десяти метров до конюшни, я услышал шорох. Винчестер, который до этого лежал на плече, в следующий миг оказался у меня в руках, но тревога оказалось ложной. Из темноты появилась женщина, которую я по приезде заметил на улице.

«Похоже, не только я на нее запал, но и она на меня».

Полные груди, выглядывающие из-под лифа, манили, обещая плотские удовольствия. Остановившись в двух шагах от меня и уперев руки в крутые бедра, она, словно прицениваясь, стала оглядывать меня с ног до головы.

«Вот блин! Наглости у нее, что у вокзальной проститутки».

– Ты мне ничего не хочешь сказать, парень?

– А что ты хочешь от меня услышать?

Мой холодный вопрос – ответ неожиданно подействовал на нее словно красная тряпка на быка. Я мог только догадываться об этом, так как не представлял в полной мере, как много на Западе мужчин и сколь мало женщин, плюс то, что ей так богато выделила матушка-природа. Тут поневоле станешь местной королевой, но я представлял собой особый случай в отличие от местных представителей мужского пола. К тому же двадцать первый век не так просто вытравить из памяти, поэтому я видел перед собой не местную богиню, а

красивую шлюху.

— Я думала, что ты настоящий мужчина, а ты никчемный бродяга, такой же, как и все!

— Ты что, видела в жизни настоящих мужчин?

— Ты... ты сын шлюхи! — она уже была в таком состоянии, когда слушают только себя. — Ты грязный, вонючий ублюдок! Ты!.. — Она заводилась все больше и больше, поливая меня отборной руганью, а когда этого ей показалась мало, она словно разъяренная кобра, метнулась ко мне и попыталась ударить меня по лицу. Я был сбит с толка и разозлен столь непонятным для меня поведением этой бесстыдной шлюхи.

— Ты что, дура, совсем озверела!

— Подонок! Ты!..

— Придется тебя поучить, подруга!

Зажав ее руки, я перебросил дергающееся тело через плечо и двинулся к темневшей расплывчатым пятном в полумраке конюшне.

Мальчишка нашелся там же, на конюшне. Он наблюдал за нами. Когда я его позвал, он, правда, не сразу, но все же отозвался. Это был тот парнишка, который встретил меня у салуна. Мне было немного неудобно, но моя неловкость полностью перекрывалась остротой ощущений, только что полученных от близости с женщиной. В другой раз я бы не отказался от продолжения, но сейчас был не в том положении, чтобы потакать своим слабостям.

Тим привел меня в местный отель под названием «Дикая роза». Слишком претензионное название для подобного заведения, где из всех углов просто выпирала бедность. Открывшая нам дверь женщина, седая и полная, в неопрятном, грязном халате и папильотках, торчащих из-под чепца, представилась, как миссис Бапьер, после чего без перехода потребовала денег. Получив наличные, она сразу категорично заявила: никаких женщин.

– Мадам! – с чувством оскорбленного достоинства воскликнул я. – Я девственник. Своими словами вы просто оскорбляете меня. Я поклялся перед ликом нашего Иисуса, что не нарушу свою клятву...

– Держите ключ, мистер шутник. А имя сына Божьего нельзя упоминать всуе! Это грех! – сейчас ее голос был ехидный, но не злой, каким был в начале нашего знакомства.

Получив ключ от номера и свечу, я поднялся с Тимом по скрипучей лестнице на второй этаж. С порога оглядел гостиничный номер конца девятнадцатого века. Исторический интерес погас уже на второй секунде. Железная кровать с пятнами ржавчины. Тюфяк, набитый соломой и покрытый серой простыней. Сверху лежит лоскутное одеяло, явно не первой свежести. В углу – рукомойник с зеркалом. Снизу – таз. От всей этой обстановки прямо разило ветхостью, поделенной на бедность. Подошел к окну. Оно выходило на улицу. Вернувшись, сел на кровать. Принюхался. Пахло карболой, хозяйственным мылом и еще чем-то невкусно мерзким.

«Средство от насекомых?» — с этой мыслью я быстро вскочил с кровати.

Парнишка от моего резкого движения прямо-таки вжался в дверь спиной, возле которой стоял с того момента, как мы зашли в номер. Рядом с ним лежали дорожные сумки и оружие.

— Не бойся меня, Тим Морис. Я не сделаю тебе ничего плохого.

— Сэр, а откуда вы меня знаете?

— Всему свое время, а пока скажи мне, как часто меняют белье в этой дыре?

Тот пожал худенькими плечами:

— Не знаю, сэр. Наверное, когда совсем грязным станет.

— Блохи тут есть?

— А как же без них!

— Класс! Номер-люкс!

Осмотрелся еще раз, затем поставил подсвечник со свечой на массивную тумбочку, стоящую у изголовья кровати, а сам сел на стул, стоящий у окна.

— Садись на кровать, парень.

Мальчишка, с определенной долей робости, сел на кровать, оказавшись в кругу неровного, колеблющегося света. Пламя свечи осветило худенькое тельце, в штанах и рубашке, не по размеру больших и грязных. Некоторое время он сидел, опустив глаза, но когда все-таки их поднял, я замер. В них клубилась тоска, страх и много всего прочего, о чем

двенадцатилетний пацан не мог и не должен был подозревать. Подобный взгляд мог принадлежать взрослому человеку, много видевшему и много пережившему, но никак не мальчишке его лет. Отодвинув эмоции в сторону, только хотел начать разговор, как заметил, что парень правой рукой поглаживает одеяло, хранившее в себе грязь не одного десятка ковбойских сапог.

– Что не так с одеялом? Блох ищешь?

– Оно... мягкое и красивое.

– Хм! Ты что... давно не спал на кровати?

– Так давно, что даже и не помню, спал ли я на ней вообще.

– Даже так? М-м-м... Считай, кровать твоя на ночь. Если... ты не боишься животных, которые могут там водиться.

– Вы не шутите? Нет? Вот здорово! – на лице паренька появилась улыбка, несмелая и робкая.

Не теряя больше времени, я выдал ему наспех придуманный рассказ об адвокатской конторе и человеке, который попросил его найти. Подробности и доказательства ему не понадобились, он сразу и безоговорочно поверил всему, что я сказал. Единственное, о чем он решился спросить, так это о родственниках, взявшихся за его поиски, но, получив в ответ, что это только мое предположение, решил довольствоваться тем, что услышал. По всему было видно, он безумно рад, что уезжает отсюда, но особенно радовался тому, что едет в Нью-Йорк, о котором так много слышал. Свою радость

он проявил так же не по-детски, то есть не стал прыгать по комнате и засыпать меня ворохом вопросов, а остался сидеть, и только на его лице появилась тихая и робкая улыбка. Такая иногда появляется сама собой, непроизвольно отражая внутреннюю радость одинокого человека, которому не с кем ее разделить. Я дал ему время, чтобы осознать услышанное, а затем спросил, что ему может понадобиться в пути, как вдруг получил неожиданный ответ, что сборы в дорогу он берет на себя, как и уход в дороге за лошадьми, чем меня немало удивил, а еще в большей степени порадовал.

– Мистер, я очень неприхотлив в еде, – в первую очередь заверил меня Тим, когда я продолжил разговор о подготовке к путешествию. После чего хозяйственный парень выдал перечень основных продуктов и список кухонной утвари и снаряжения, необходимых для путешествия. После чего начал деловито прикидывать, в каком из двух городских магазинов покупки нам выйдут дешевле.

Я смотрел на этого хозяйственного и делового не по летам паренька и диву давался. Дай ему соответствующее образование и начальный капитал, при его хватке он себе к двадцати годам миллион сколотит. И дети у него такие же будут. Все в папу. Потомственные миллионеры. Сейчас я мог позволить себе усмехаться прежним мыслям – страхам, когда думал, с какими трудностями придется столкнуться, заботясь в пути о ребенке. Когда мы закончили с хозяйственными вопросами, я попробовал узнать у него о пути к железной дороге, но

это было вне круга его интересов, поэтому он просто ничего не знал о подобных вещах, зато мне удалось узнать, зачем уехал шериф. Оказалось, что тот уехал в соседний город, который раз в пять больше Луссвиля (оценка ребенка), чтобы попросить выделить городу отделение рейнджеров в связи с надвигающейся войной скотоводов. Еще я узнал, что сам шериф – крутой мужик и у него есть стопка афишек с описанием преступников, среди которых есть Джек Льюис. Время от времени наиболее свежие он вывешивает для всеобщего обозрения, но ветер и некоторые глупые ковбои, срывают их. Ветер просто так, а ковбои – на папироски. Мальчишка знал не только всех известных преступников и премии за их головы, но и подробные описания их «подвигов». Для него они были, что для меня в детстве герои сказок.

Когда Тим уснул на настоящей кровати под настоящим одеялом, я еще раз проверил, заперта ли дверь, задул свечу, потом поставил стул напротив окна. Затем, приоткрыв окно на треть, уселся, закинув ноги на низкий подоконник. Правда, перед этим я с некоторой долей зависти смотрел на уютно сопящего мальчишку, почти с головой накрытого одеялом.

«Красивым и мягким. Это ж надо! Кстати, ему хорошо подходит определение: мальчик – мужчина. Впрочем, оно ко многим тут подходит. Взять же того же Барта или этого отморозка Билли. Что тому, что другому лет по двадцать, а ведут себя как дети. Один трус, пытающийся себя как-то выразить, другой хулиган, задирающий всякого, кто попадется у него

на пути. Радует только то, что они предсказуемы. Несложно угадать их мысли, а значит, предугадать их действия, а плохо то, что у этих ребяташек есть оружие и они, как все дети, пытаются доказать всему миру свою крутость. Хм. А взять меня? Я ничем не лучше их. Всю свою жизнь доказывал, какой я крутой. Правда, меня долго и упорно учили, что сила хороша только в том случае, когда над ней стоит разум, умеющий оценивать и контролировать ситуацию. К тому же меня учили на ошибках других людей, здесь же люди познают все на своих ошибках. Револьвер – очень жесткий учитель. Не дает часто ошибаться. Ведь только одна-единственная ошибка может привести тебя прямиком на кладбище».

Несколько раз за ночь я просыпался, чтобы поменять поду, но разбудил меня все-таки мальчишка. За окном уже светало. Свежий, прохладный ветерок охлаждал лицо и грудь сквозь распахнутую до пупа рубашку. Только я успел спустить ноги с подоконника, как где-то прокукарекал петух, затем невдалеке прогрехотала тяжелогруженная повозка. Криком возничий подстегивал лошадей, сопровождая его хлопаньем хлыста, а из-за соседнего дома раздался рассерженный женский голос:

– Том! Где ты негодный мальчишка?! Том Перкинс, живо!...

Слова резко оборвались, видно, женщина вошла в дом. Несколько раз потянувшись, разминая затекшие члены, я

спросил:

– Как спалось, парень?

– Как в раю, Джек.

Когда мы знакомились, я назвал ему это имя, чтобы не было лишней путаницы.

– Как ты думаешь, Тим, сколько сейчас времени? – спросил я паренька, направляясь к умывальнику.

– Петух тетки Молли пропел, значит, полшестого или около того.

Пока я плескался, разбрызгивая воду, он стоял у окна, глядя на улицу. Натянув рубашку и заправив ее в штаны, я подошел к нему. Протянув руку, он показал мне на один из домов, где мужчина во дворе возился с досками.

– Смотри, Джек. Келли Брайт взялся с утра за работу. Интересно на сколько гробов он получил заказ? Я вчера слышал выстрелы, а ты?

– На два.

– Откуда ты знаешь? – на его лице большими буквами было написано наивное детское удивление.

– Как ты насчет петуха и времени знаешь, так я насчет гробов.

Его взгляд снова стал серьезным и внимательным; некоторое время он смотрел на меня, потом его взгляд снова упал на улицу.

– Смотри, смотри! Маргарет идет!

По его голосу можно было судить, что он равнодушен к

этой женщине. Разница была у них лет в тридцать пять, поэтому вариант о любви с первого взгляда можно было сразу отбросить. Невысокая, плотная женщина в оранжевом платье и несуразной шляпке с искусственными цветами шла с корзинкой, висевшей на руке и прикрытой чистой льняной тряпицей. При встрече с мужчиной, спешащим ей навстречу, она поздоровалась легким кивком головы:

– Доброго вам здоровья, мистер Торчетт.

Тот ответил ей плавным кивком головы, одновременно взявшись двумя пальцами за поля шляпы:

– И вам того же, миссис Брайн.

Оторвал меня от сцены деревенской идиллии голос Тима:

– Джек, когда мы пойдем завтракать?

– Ты с ума сошел, парень. Сам же говоришь, что еще шести утра нет. Люди только глаза продрали. Проснулся бы в девять, так сразу же и пошли.

Мальчишка посмотрел на меня так, будто видел первый раз в жизни, а потом спросил:

– А почему в девять? Охотники до восхода солнца уходят, а Хэч их перед этим завтраком кормит.

«Мать твою!» – мысленно ругнулся я на свою тупость и тут же попытался выкрутиться:

– Так я думал позавтракать и в магазин зайти. Ну, чтобы не ходить лишний раз.

– А! – лицо мальчишки просияло. – Да, я слышал, что в больших городах магазины позже открываются, но у нас не

так. Нам работать надо с раннего утра до позднего вечера, чтобы выжить в этом несовершенном мире.

При этом лицо мальчика приняло серьезное выражение. Судя по всему, мальчишка позаимствовал эту фразу у кого-то из взрослых. Теперь, когда выяснилось, что нас здесь ничего не держит, мы спустились вниз, отдали ключ хозяйке отеля и отправились завтракать. Не успели пройти и пяти метров по улице, как я заметил, что люди, идущие нам навстречу, словно невзначай, стали переходить на другую сторону улицы или резко сворачивали в первую попавшуюся дверь магазина и только на приличном расстоянии, у порогов своих домов или у входа в магазин, продолжали стоять любопытные горожане. Уже на подходе к салуну Тим не утерпел, заскочил в конюшню. Только после обстоятельного разговора с конюхом, заверившего его, что все хорошо, мы, наконец, смогли добраться до своей цели. Хэч радостно ослабилась при виде нас и приветственно замахал рукой. Тим направился к нему обсудить наше меню на завтрак, а я подошел к Барту, сидевшему за столом с кружкой дымящегося кофе. При виде меня он привстал, коснулся полей шляпы в знак приветствия, я ответил ему тем же. Присев к его столу, я коротко обрисовал ситуацию, добавив в конце, что через пару часов мы уедем, чем его несказанно порадовал, и он, тут же сославшись на дела, убежал. Позавтракав, мы пересекли улицу и вошли в магазин Саммерса. За прилавком стоял мужчина, лет сорока, с короткими прилизанными

усиками и профессионально любезным выражением на лице. При виде меня у него, как и у двух его посетителей – покупателей – ковбоев, которые до нашего прихода выбирали себе рубашки, в глазах проявилась настороженность. Оживленный торг разом оборвался, и в лавке воцарилась неприятная, щекочущая нервы тишина. Ее оборвал подбежавший к продавцу Тим.

– Мистер Саммерс, я вам покупателя привел! Хорошего покупателя. Надеюсь, мы можем рассчитывать на скидку? – и звонкий голос мальчишки рассеял напряженность.

– Конечно, Тим! – заученно бодро заявил хозяин лавки. – Только клиентов отпускаю и сразу займусь вами.

Я тем временем изучал помещение магазина, который, по моему мнению, больше походил на склад. Самый разнообразный товар наполнял полки и грудami был свален в углах. Трудно было бы придумать какую-либо принадлежность для фермы, сарая, хлева, конторы, кухни или гостиной, которой бы здесь не было. Одежда, провизия, седла, сбруя и сельскохозяйственные инструменты, ружья, скобяные товары, веревки, шляпы и бутылки с фруктовой водой представляли странное для моего глаза смешение.

Спустя пару минут, продав рубашки, хозяин подскочил к нам. На его лице плавала угодливая улыбка.

– Что угодно господину? – приторная угодливость хозяина прямо резала слух.

– Мне надо одежду и обувь на него, – я указал на Тима. –

Потом парень скажет тебе, что нам надо из продуктов и вещей в дорогу.

Как оказалось, в этом магазине можно было купить все, вот только детской одежды в нем не было. Пришлось покупать Тиму одежду на мужчину. Самыми маленькими по размеру из купленных вещей стали штаны, которые были всего лишь на полтора размера больше. Больше повезло с ботинками, они были ему только немного великоваты. Только я попытался договориться с женой лавочника по поводу перешива одежды, как мальчишка сразу потащил меня на улицу, оборвав на полуслове. Выйдя, я вопросительно уставился на него.

– Мне нужно два доллара, Джек! – он выпалил эту фразу на одном дыхании и замер в ожидании ответа.

Я, молча, смотрел на него, требуя более детальных объяснений. Тим опустил взгляд и тихо сказал:

– Хочу дать заработать... одному хорошему человеку, сэр. Она ко мне очень хорошо относилась. Пожалуйста, сэр.

Не знаю, что он увидел в моем взгляде, но чувствовал себя явно неловко.

– Ну и... – я не стал продолжать, давая ему закончить самому.

– Она, правда, хороший человек. Она стирает. Ей... Она и приезжих обстирывает. Она мне всегда... Вы видели ее, сэр! Это Маргарет!

Судя по тому, что он меня стал называть «сэр», парень

сильно разволновался. В его глазах появился блеск, а на щеках – легкий румянец.

– Говоришь, хороший человек?

– Да, сэр. Очень хороший человек. Она чем-то похожа на мою маму.

– Хорошо. На тебе десять долларов, и пусть она хорошенько подгонит твою одежду.

Он даже задохнулся от названной суммы. Глаза стали большие и радостные.

– Я... Сэр! Она... Спасибо, сэр!

Пока он невнятно благодарил меня, я положил ему на ладошку две пятидолларовые монеты.

– Не потеряй на радостях.

Парень сначала сорвался с места, держа деньги в кулаке, но потом остановился, аккуратно вытащил длинную просмоленную бечевку. Она охватывала по горлу старый кожаный мешочек, покрытый какими-то непонятными узорами. Раскрыв его, он осторожно положил туда деньги.

– Это что, твой потайной карман? – пошутил я.

– Карман? Нет... Это... – он видно хотел сказать, но в последний момент передумал, – то, что у меня осталось от мамы.

Тут его голова медленно опустилась. Он смотрел в землю. «Мне только его слез не хватало для полного счастья».

– Все. Иди. После примерки – в салун. Буду тебя там ждать.

С минуту смотрел ему вслед, после чего направился в местную скупку золота. Эту лавку я заметил буквально пять минут назад. Мне не хотелось светиться с подобным товаром в маленьком городишке, где все на виду, но теперь – какая разница.

Плотного телосложения, коренастый мужчина с мускулистыми руками больше походил на ковбоя или солдата, но никак не на лавочника. При виде меня он как стоял, уперев руки в прилавок, так и остался стоять. Ни в движениях, ни во взгляде не было ни суеты, ни страха, только холодное спокойствие и уверенность в себе. Я бы не удивился, если бы у него под прилавком лежал заряженный дробовик или револьвер. Осмотрелся. Слева от меня на стене висела голова здорового медведя с оскаленной пастью, справа – копье и два скрещенных томагавка.

«Классно смотрится!»

Заметив, что я их внимательно разглядываю, сказал:

– Военные трофеи. Вот этот топорик, висящий слева, чуть было на тот свет меня не отправил. Три пальца правее бы – и все!

Я повернулся к хозяину. Увидев к своим словам интерес, помедлив, он пояснил:

– Пришлось повоевать в свое время. С сиу, с апачами, с команчами, – секунду помолчав, добавил вызывающе. – И с бандитами. На мексиканской границе.

Я почувствовал, как он напрягся в ожидании моей реак-

ции.

– Расслабься. Задам только один вопрос, потом перейдем к делу: как ты здесь оказался, солдат, после всех своих подвигов?

Хозяин лавки нахмурился. Было видно, что своим вопросом я попал ему в больное место, но было уже поздно что-то менять. Я уже не надеялся на ответ, как все же его получил:

– Нога.

Увидев в моих глазах непонимание, зло пояснил:

– Бандиты колено прострелили. Нога не сгибается.

Судя по его суровому виду, хозяин лавки был явно не тем человеком, которому требуются слова утешения, поэтому я решил заняться делом, ради которого пришел. Достав комок из спутанных золотых цепочек, положил его рядом с весами, стоявшими на прилавке. Рядом с ними лежало несколько открытых коробочек со стоявшими в них гирьками – разновесами. Он посмотрел на золото, потом на меня. Если золото он только окинул взглядом, то меня он явно оценивал.

– Ты, правда, мальчишку забираешь в Нью-Йорк, к родственникам?

– Да.

– Не обижай его, он хороший паренек.

«Нормальный мужик. Прямолинейный, бесхитростный, грубоватый, но в общем порядочный, по-моему, человек».

– Я что похож на человека, способного обидеть ребенка?

– Ты воевал?

Я утвердительно кивнул головой.

– Я тебе скажу так. Мы простые люди и живем в свободной стране. Каждый решает сам, кем ему быть. Здесь, на Западе, если человек хочет быть плохим, и при этом это сильный человек, то его мало кто остановит. Здесь, не как на Востоке, где на каждом углу полицейский. С другой стороны, если сердце человека чистое, без червоточин, он живет честной и прямой жизнью, но опять же, только потому, что на то его воля. Ты, похоже, относишься к хорошим парням, солдат. К тому же у меня нюх на крыс помойных, типа тех троих, парочку из которых ты вчера вечером отправил в ад.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.